

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Потомкина Виктория Ильинична

ПИСЬМА ИОАННА МАВРОПОДА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент **Черноглазов** Дмитрий
Александрович

Рецензент:

д.ф.н., профессор **Елоева** Фатима Абисаловна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Жизнь и творчество Иоанна Мавропода.....	7
Глава 2. Избранные письма: содержание и филологический комментарий	14
Глава 3. Язык, стиль и методы цитирования	24
Глава 4. Иоанн Мавропод и Михаил Пселл. Специфика переписки.....	47
Заключение	52
Приложение	54
Библиография	78

Введение

Иоанн Мавропод – выдающийся византийский автор XI века, известный нам благодаря своим трудам и неоднозначному жизненному пути, сделавшему из придворного интеллектуала изгнанника, отправленного в ссылку в далёкую Евхаиту на митрополичью кафедру, но в конце концов прощённого и возвращённого ко двору в родной ему Константинополь.

Конец X и примерно треть XI веков, на которые приходится жизнь Мавропода, были непростыми и для истории и развития Византийской империи. Восстание Георгия Маниака против чрезмерного сближения действующего правителя с родом Склиров, в частности, с Марией Склиреной; мятеж, организованный Львом Торником, и его подавление в конце осени 1047 года; учреждение императорским указом, автором которого выступил именно Мавропод, высшей юридической школы в Константинополе, датированное временем между 1044 и 1047 годами [Любарский 2012, 162]; дворцовые интриги и заговоры против одной из центральных фигур эпохи, императора Константина IX Мономаха; раскол в 1054 году христианской церкви на православную и католическую и другие события, повлиявшие не только на настроения в обществе, но и на жизни и образ мысли интеллектуальной элиты той эпохи. Не стоит забывать, к примеру, о знаменательном для Мавропода участии в «кружке», возникшем вокруг Константина Лихуда, пользовавшегося, по началу, благосклонностью Императора, а затем отправленного в отставку и попавшего в опалу вместе со своими товарищами, после чего Иоанн Мавропод и был отослан в Евхаиту.

Переходя к литературному аспекту вопроса, необходимо, в первую очередь, сказать о том, что XI век назван эпохой предгуманизма. Он вывел византийскую литературу на новый качественный уровень и постулировал уже не только подражание античным авторам и текстам, но и развитие самобытности. Период этот характеризуется также такими явлениями, как

рождение мемуарной историографии, ослабление императорской власти и контроля церкви - время вольнодумства. Среди философских учений и идей в эпоху византийского предгуманизма преобладает неоплатонизм.

Безусловно, нельзя не отметить и возросший в те годы интерес к эпистолографии, культивированный Иоанном Мавроподом, перенятый Михаилом Пселлом и перешедший на новый уровень вышеупомянутой самобытности. Михаил Пселл – знаковая фигура византийской истории, из ученика Мавропода выросший в его товарища и сам, впоследствии, ставший учителем нового поколения. Конечно, их с Иоанном Мавроподом отношения были небезупречны, о чём будет более подробно сказано в одной из глав данной работы, но переписка этих двух талантливых и в высшей степени учёных людей позволяет приблизиться к пониманию реалий интеллектуальной элиты Византии IX века и, конечно, выявить, что из себя представляет новоявленная «самобытность» и «авторская индивидуальность».

В последние десятилетия эпистолография находится в фокусе внимания исследователей византийской литературы. Она изучается с разных сторон: и как исторический источник, и как литературное явление. Письма привлекаются для исследования связей византийских авторов, для реконструкции сети контактов, для анализа их мировоззрения, литературных предпочтений в области стилистики текста. Активно публикуются собрания писем византийцев, издаётся обширная научная литература.

Так и эпистолярное наследие Иоанна Мавропода представляет интерес с точки зрения всех вышеупомянутых аспектов. Относительно недавно было издано [Karpozilos 1990 – далее К.] первое критическое издание писем Мавропода. С тех пор было написано немало работ, но исследование писем на предмет языковых особенностей и литературного стиля остаётся задачей будущего и представляет собой важную цель для специалиста, который занимается историей византийской литературы и, в особенности,

памятниками XI века – как уже было сказано, переломной эпохи литературного новаторства и экспериментов, решительно отличавшейся от предыдущего периода, так называемого македонского ренессанса или, иначе, эпохи византийского энциклопедизма.

Наша дипломная работа имеет следующую структуру: введение, основная часть – четыре главы, заключение, библиография и приложение, являющееся важной составляющей проведённого исследования. В первой главе рассматривается биография Иоанна Мавропода, представленная на основе информации из нескольких научных источников. Во второй главе представлено содержание и филологический комментарий к избранным для работы шестнадцати письмам Мавропода. Третья глава содержит опыт исследования языка, стиля и методов цитирования. В рамках третьей главы дано несколько таблиц, классифицирующих источники цитат и представляющих для наглядного сравнения их оригиналы. Диаграммы, составленные в третьей главе, показывают частоту использования автором тех или иных источников, как в общей перспективе всего собрания писем, так и в отобранных нами частных случаях. Четвёртая глава работы посвящена специфике переписки и взаимоотношениям Иоанна Мавропода и Михаила Пселла. В приложении к работе даются выполненные нами переводы на русский язык анализируемых писем Иоанна Мавропода.

Целью настоящей работы является, таким образом, анализ языка, стиля и методов цитирования в некоторых избранных письмах Иоанна Мавропода. Выбор конкретных экземпляров, которые будут являться предметом нашего исследования, обусловлен тем, что именно в письмах Михаилу Пселлу и другим близким друзьям более полно раскрывается индивидуальность автора, его мировоззрение, характер и прочие личностные черты.

Перед нами стоит несколько задач. Во-первых, подготовка перевода избранных для данного исследования писем Иоанна Мавропода из собрания,

предоставленного А. Карпозилосом, и одного из обращённых Мавроподу писем Михаила Пселла. Во-вторых, анализ стилистических и жанровых особенностей писем Мавропода. В-третьих, анализ языка и методов цитирования. Ещё одной задачей является оценка характера отношений двух учёных византийцев и, как следствие, оценка авторской индивидуальности в эпистолярном творчестве самого Иоанна Мавропода.

Данное исследование является актуальным по ряду причин. В первую очередь потому, что задействованные материалы никогда ранее не использовались для подобного анализа. Далее, в рамках работы предоставляется впервые выполненный перевод писем Иоанна Мавропода на русский язык, дополненный биографическими и стилистическими комментариями. Помимо прочего, произведения Иоанна Мавропода, как видной фигуры своей эпохи (наставника, ретора, философа), являются важным историческим источником и литературным феноменом, что делает их весьма интересными для нас и подтверждает актуальность изучения выбранной темы.

Глава 1. Жизнь и творчество Иоанна Мавропода

Творчество Иоанна Мавропода, автора периода конца X – начала XI веков, воплотило в себе две характерные черты культуры Византии: в письмах отразилась изысканность византийского церемониала, а в эпиграммах наблюдается чувство искреннего восхищения античностью [Фрейберг 1969, 4].

Иоанн Мавропод был митрополитом, выдающимся византийским ритором, писателем, поэтом и педагогом родом из Пафлагонии, одной из фем Византийской империи. Мавропод гордился своим происхождением, в то время как его соотечественники придерживались о месте его рождения более негативного мнения [К., 9].

Само имя «Мавропод» фигурирует исключительно в написанных им церковных канонах. Однако оно используется как фамильное имя начиная с XI века и позднее, и, согласно исследованиям, его носители принадлежали к духовной и гражданской аристократии [Каждан 1974, 93, 112, 151]. Дата рождения Иоанна Мавропода не восстановлена с предельной точностью, но по комментарию о своём возрасте, который был сделан им в эпиграмме императору Константину IX, можно предположить, что родился византиец примерно в 990 году [К., 10]. В энкомии Мавроподу Михаил Пселл никак не ссылается на место его рождения – очевидно, потому, что, как сказано выше, в числе прочих считает Пафлагонию недостойной упоминания. При этом он делает запись, что один из двух дядей Мавропода, заботившийся о нем в ранние годы, был митрополитом Клавдиополя. Кроме того, в Византии в этот период было обычной практикой называть племянников по имени дяди – епископа, поэтому можно предположить, что фамилия Мавропод принадлежала именно его семье, а не родителям Иоанна. Собственно, о родителях Мавропода у Михаила Пселла никаких упоминаний нет, зато отмечен ещё один из ближайших родственников – племянник,

императорский нотариус Феодор Китонит, которого Мавропод поручил заботам Пселла.

В энкомии Пселл упоминает и о том, что Иоанн Мавропод получил общее нравственное воспитание, а затем учился риторике, философии и праву. Пселлом свидетельствуется, что Иоанн Мавропод прибыл в Константинополь в раннем возрасте, но точная дата неизвестна. В одной из своих эпиграмм Мавропод пишет о семейном доме в Константинополе, который он унаследовал и в котором в дальнейшем преподавал.

О Мавропode, как об учителе, сохранилось мало сведений. Обучение в его школе, где он, по всей видимости, исполнял обязанности директора, являлось бесплатным, так как Мавропод полагал, что брать деньги за нравственное воспитание молодёжи и торговать наукой – недопустимо. В 1034 году это частное заведение, где Иоанн Мавропод преподавал риторику, философию и право, а также занимался изучением произведений таких античных авторов, как Демосфен, Лисий и Григорий Богослов, пришёл учиться и Михаил Пселл, с которым Иоанна Мавропода впоследствии до конца жизни свяжет крепкая дружба. С благодарностью пишет спустя годы Пселл своему педагогу: «Как живёшь, мой брат и господин? Ты – отец моей учености, возделавший почву моей души и посадивший первые корни наук, или, лучше сказать, прививший мне свои черенки и сообщивший моим природным побегам свои добродетели» и «Знай, что ты один – отец моей учености и воспитатель, если есть во мне сколько-нибудь добродетели, и наставник в божественном. Никогда не забуду я этого» [Любарский 2001, 239].

Несмотря на недостаток информации, тем не менее, можно сделать вывод, что Мавропод проявлял живой интерес к дальнейшим судьбам своих бывших подопечных, отправляя им письма на протяжении долгих лет после того, как те заканчивали обучение в его школе в Константинополе.

Прежде, чем появиться в общественной жизни, Иоанн Мавропод следовал принципу Эпикура – избегал участия в делах церкви и государства [К., 11]. Неизвестно, что заставило его оставить покой, которым он наслаждался, но именно благодаря посредничеству своего любимого ученика, Пселла, после 1043 года Иоанн Мавропод выходит в свет и предстает перед Императором Константином Мономахом.

Однако это было не первое столкновение Мавропода с правящим классом и с императорским двором. Ранее он имел некоторое знакомство с семьей Императора Михаила IV. В одной из эпиграмм Иоанном описывается икона Спасителя, преподнесённая как знак доверия протовестиарием Георгием, братом Михаила IV [Луховицкий 2010, 435].

Прибыв ко двору Константина Мономаха, Иоанн Мавропод занялся делами государства. Два письма, ер.19 и ер.20, хотя и дают нам возможность иметь представление об его оптимизме и энтузиазме, но в то же время показывают и увеличивающуюся по мере его прихода к власти зависть как врагов, так и друзей.

В этот период Иоанн Мавропод примыкает к группе придворных интеллектуалов вокруг Константина Лихуда. Некоторое время спустя он принимает участие в создании юридической школы в монастыре великомученика Георгия в Манганах. И именно Мавропод, а не Пселл или же Иоанн Ксифилин, был уполномочен спроектировать Новеллу – законодательный акт об учреждении публичной школы законов и назначения для неё дидаскала. Такой выбор показывает высокое уважение, которое ему оказывалось: на данном этапе Иоанн Мавропод пользовался доверием императора и даже отличился в качестве оратора суда, защищающего принципы, которые Император разработал после войны с печенегами (13 января 1047). В торжественных речах, составленных в этом году, он выступил против тех, кто не согласился с политикой Императора и с его

решением расформировать войска, которые были доставлены к границе, чтобы бороться с печенегами.

Произошло неизбежное восстание расформированных армий, ускорившее в 1047 году восстание Льва Торника, новоявленного родственника императора [К., 13]. Известна речь Иоанна Мавропода, посвящённая этому событию, в которой он призвал императора проявить милость и человеколюбие по отношению к соратникам мятежника.

Положение Мавропода при дворе во многом ухудшается приблизительно в конце 40-х годов, вероятно, по причине отставки Константина Лихуда, якобы за неисполнение воли Императора, и гонений на его окружение. В итоге Иоанн Мавропод был вынужден покинуть Константинополь и принять носящее для него характер ссылки назначение на должность митрополита в Евхаиту. Покинув родные места, он не прекращает своей переписки с Пселлом, которая, наоборот, становится ещё более интенсивной. Из этих писем видно, что Мавропод был крайне огорчен получением новой должности и стремился вернуть прежнее положение, а Пселл всячески ходатайствовал за него перед императором. Настойчивость была вознаграждена: Иоанну Мавроподу удалось вернуться в Константинополь, где он получил возможность аудиенции с Императором, которую организовал для него лично Михаил Пселл [К., 23]. Известно, что в дальнейшем, после 1075 года [Любарский 1978, 32], Мавропод принял постриг и жил в монастыре Святого Иоанна Предтечи.

Точный год смерти Мавропода остаётся предметом дискуссии. Некоторые источники предполагают, что он жил вплоть до 1092 года, и ссылаются на то, что с именем Иоанна Евхаитского связано установление праздника Трёх Святителей, которое произошло в царствование императора Алексея I Комнина [Karpozilos 1982, 162-166]. Не исключено, что он прожил столь долгую жизнь. В честь Иоанна Мавропода его племянником была составлена служба, как упоминалось ранее. В этих стихах на смерть дяди

Феодор Китонит пишет о нём следующее: «О блаженнейший, слава твоя распространилась по всему свету, как во всеобщую школу, сзывала она в твой дом жаждущих познать науки» [Любарский 2001, 237].

О том, каким же Мавропод предстал перед современниками и каким, возможно, хотел быть для последующих поколений лучше всего судить по манускрипту XI века, известному как Vat. gr. 676 [Jeffreys, Lauxtermann 2017, 92], который содержит все необходимые труды нашего византийца: это и его письма, и стихотворные сочинения, и, конечно, речи [К., 28]. Например, в одной из эпиграмм Мавропод описывает себя как «несчастливого пастуха Евхаиты, а также синкелла» [Jeffreys, Lauxtermann 2017, 93]. На первый взгляд, его представление себя – это образ типичного византийского интеллектуала своей эпохи, понимающего человеческую сущность, увлечённого трудами античных авторов и преданного идеям просвещённого эллинизма. Ему принадлежат несколько стихотворных сочинений, в которых он описывает самого себя как человека, который желает лишь гармонии и спокойствия вдали от толпы и социального давления. Мавропод заявляет, что его не интересуют ни власть, ни богатство, ни слава – он лишь хочет заниматься изучением текстов. Иными словами, Иоанн Мавропод пишет портрет улучшенной версии себя [Jeffreys, Lauxtermann 2017, 93].

Творчество Иоанна Мавропода состоит и из таких светских сочинений, как эпиграммы и разнообразная проза, и из таких сочинений церковных, как каноны, проповеди. В большинстве своём светские сочинения относятся к правлению Константина IX Мономаха и посвящены различным событиям, связанным с жизнью представителей двора или знакомых Иоанна. К таким произведениям можно отнести эпитафии (чиновникам, императору); эпиграммы, посвященные различным императорским реликвиям (например, иллюминированному Евангелию), живописным изображениям (портрету Константина IX Мономаха в Евхаите; Христу, который коронует Константина IX Мономаха и императрицу Зою). Есть и эпиграммы, в

которых Мавропод рассказывает о собственной жизни (например, эпиграммы «Как вновь обрел дом», «Как впервые был представлен императорам») и своём творчестве (например – «На разорвавшего рукопись», «На ту же рукопись, склеенную вновь», «Как отступился от сочинения хронографии»). Одна из наиболее известных эпиграмм посвящена Платону и Плутарху, о спасении которых Иоанн Мавропод молит Христа [Луховицкий 2010, 435].

Также разнообразны и произведения Иоанна Мавропода, носящие религиозный характер. Предполагается, что его перу принадлежит примерно 160 канонов, среди которых особое место занимают «венки» канонов в честь церковных праздников или святых. Сохранились, к примеру, «венки», посвящённые Иоанну Предтече, апостолам Петру и Павлу, Иоанну Златоусту. Мавроподу принадлежат и циклы канонов Пресвятой Богородице (их более 60) и Иисусу Христу (более 20). Примечательно, что в канонах Мавроподом используется акростих, в конце которого он обычно помещал своё имя, Ἰωάννου или Ἰωάννης.

Ещё одним жанром, к которому часто обращался Иоанн Мавропод, стали экфрасисы в стихотворной форме. Они посвящались изображениям святых и сюжетам, связанным с важнейшими церковными праздниками. Среди агиографических трудов Мавропода следует обратить внимание на похвалы святым, которые были связаны с Евхаитами (великомученику Феодору Тирону, например, посвящено 3 похвалы).

Исторический интерес представляют проповеди Иоанна Мавропода, в некоторых из которых содержится информация о взаимоотношениях Византии и печенегов. Так, одна из речей на память Георгия Победоносца рассказывает о чуде, которое помогло Константину Мономаху победить печенегов, когда те в 1046 году перешли Дунай: подобно тому как это произошло при Константине Великом, в небе над византийским войском возник крест, ужаснувший варваров [Луховицкий 2010, 435].

Но особое место в творчестве Иоанна Мавропода занимают письма друзьям, ученикам и некоторым высокопоставленным чинам. Находясь на переломном этапе истории византийской литературы, послания Мавропода ещё сохраняют в себе некоторые этикетные нормы и жанровые каноны предшествующей эпохи, но уже существенно отходят от них.

Коллекция писем составлена Мавроподом лично и носит автобиографический характер, поэтому можно полагать, что послания в ней расположены в хронологическом порядке, и их можно группировать. Соответственно, собрание имеет трёхчастную структуру, в которой всё выстраивается относительно переломного момента в жизни самого Мавропода – ссылки в Евхаиту. Таким образом, письма делятся на следующие группы: счастливые времена до кризиса в жизни Мавропода (ep. 1 – 42, 1043 – 1049), переживание самой ссылки, душевные терзания Мавропода, его просьбы и воззвания к друзьям (ep. 43 – 50, 1049 – 1050) и последующие несчастливые годы (ep. 51 – 70) [Jeffreys, Lauxtermann 2017, 96].

Например, рассматриваемое в рамках настоящей работы письмо 19 относится ко времени пребывания Мавропода при дворе Императора, и в нём он отвечает на критику тех, кто счёл его жадным до славы; письмо 23 относится к назначению Михаила Пселла ипатом философов в 1047 году (а в те годы и сам Мавропод играл значительную роль в качестве советника при императоре Константине IX Мономахе); уже в письме 27 чувствуются настроения упадка, Мавропод жалуется на здоровье и некие проблемы его положения – ссылаясь на здоровье, в дальнейшем Мавропод будет просить отмены его назначения на митрополичью кафедру. Затем, письма третьей части, отправленные из Евхаиты, пропитаны разочарованием, скорбью, иногда злостью на ситуацию, как в письме 51, в котором Иоанн обвиняет Михаила Пселла и других товарищей в предательстве, в том, что те забыли его и оставили.

Глава 2. Избранные письма: содержание и филологический комментарий

В рамках данной работы нами анализируются следующие письма Иоанна Мавропода: ер. 1, ер. 6, ер. 9, ер. 19, ер. 20, ер. 21, ер. 23, ер. 27, ер. 28, ер. 33, ер. 38, ер. 50, ер. 51, ер. 59, ер. 60 и ер. 70, адресованные Михаилу Пселлу и некоторым другим адресатам, также близким автору. Они были избраны как характерные образцы его эпистолярного стиля, поскольку в них присутствует ряд разнообразных цитат и аллюзий, включая как ссылки на античную традицию, так и на Священное Писание и Святоотеческую литературу. Иоанн Мавропод, как и Михаил Пселл, часто обращался к эпистолярному наследию Григория Назианзина (Богослова), рассматривая его личную переписку как первый достойный подражания образец эпистолярного стиля. При этом следование ранневизантийским и античным образцам не помешало Мавроподу выразить в письмах свою авторскую индивидуальность, поэтому его письма достаточно откровенны и искренни. Атмосфера дружеского юмора в беседе с адресатами определяет способы работы автора с цитатами. Далее приводится анализ и комментарий к письмам, исследованных ранее с точки зрения языка и стиля, а также методов цитирования.

Письмо 1, адресованное Михаилу Пселлу [К., 199], может быть отнесено к раннему периоду в эпистолярном наследи Мавропода, предшествующему потере позиции при дворе и ссылке в Евхайты. Основной мотив данного письма – благодарность за полученный ответ и восхваление письма [Черноглазов 2010]. Здесь присутствует традиционное сравнение письма с ласточкой или соловьём, но, что примечательно, оно не появляется однажды, а следует красной нитью, последовательно и подробно, через всё послание – в этом Мавропод отходит от этикетной формулы, индивидуализируя и развивая её. «Чёрный цвет написанного выделяется на белизне хартий», - пишет Иоанн Мавропод, как и ласточка соединяет в своей

расцветке белый и чёрный цвета; говорит он и о сладкоголосии и соловьином пении, вызвавшем его искреннее восхищение, сравнивая с ними и речи адресата. Кроме того, для мотива восхваления полученного письма характерны два явления: это может быть восхваление автора, а может быть, как в нашем случае, восхваление самого письма, как образца красноречия. Далее, упоминание пословицы «одна ласточка не делает весны» свидетельствует здесь о желании автора чаще получать послания от адресата, что тоже является распространенной формулой в византийской эпистолографии. Нельзя обойти стороной и заключительный аккорд письма: Мавропод прибегает к использованию еще одного известного приёма, упоминанию о превосходстве живой беседы над «мёртвым» письмом и желании личной встречи: «Мы молимся, чтобы творца и создателя этого самого письма можно было видеть глазами, и услышать собственными ушами его речь...».

Письмо 6 адресовано, предположительно [К., 204], некоему чиновнику, поскольку оно содержит информацию о «переводе» адресата по службе из одной фемы в другую и даёт поверхностное представление о его должности – вероятно, провинциального судьи или сборщика налогов. Помимо этикетных клише в письме присутствует рассуждение Мавропода относительно благополучия Клавдиополя, который описывается им мрачными красками и, по всей вероятности, причиной этого Мавропод указывает местного епископа, который, в силу своего возраста и слабого зрения не смог защищать интересы города. Как и в предыдущем рассмотренном нами послании, здесь мы видим мотив благодарности за полученное письмо и некий дар, что сопровождается, опять же, упоминанием птиц. Возможно, они были каким-то образом связаны с подарком, или же в качестве подарка Мавропод описывает само послание – стая птиц, в таком случае, выступает как метафора для многих написанных адресатом строк. Так или иначе, мотив

этот, как уже говорилось, является довольно распространённым у византийцев [Karpozelos 1984, 25].

Письмо 9 адресовано Пселлу [К., 207]. Содержание его перекликается и с содержанием письма 6, которое также содержит информацию о делах службы адресата. Теперь Мавропод хвалит его и радуется с ним его достижениям: «... наша собственная медлительность, или скорее наша полная неподвижность, может каким-то образом, кажется, смешаться с легкостью твоего славного продвижения, и чтобы наша неподвижность, в этом случае, могла принять участие в связанной с этим славе и в радости», что делает главным мотив этого письма мотив друг – второе «я». Присутствует в послании и образ письмоносца. Здесь он своими замечательными рассказами восполняет задержку и промедление адресата в переписке, на что в самом начале рассказа автор жалуется, упрекая собеседника. Подобная ситуация часто возникала у византийских эпистолографов, также став мотивом.

Письмо 19 уже было проанализировано в предыдущем разделе на предмет создания Мавроподом эффекта гротеска путём помещения цитат Священного Писания в обывательский контекст, а именно в описание обмана Императора неким человеком (вероятно, речь идёт как раз об адресате), который притворился больным и несчастным, чтобы ему оказали почести. Мавропод пишет, что, в отличие от него, он не использует свою дружбу с Императором, чтобы достичь чего-либо. Пример этот является частью развёрнутого ответа негодующего автора, которого адресат и некоторые другие люди обвинили в тщеславии и лицемерии. Карпозилос замечает [К., 216], что речь, по всей видимости, о периоде, когда Иоанн Мавропод был представлен Михаилом Пселлом ко двору Константина Мономаха, то есть и письмо написано около 1043 года. Решение Мавропода отказаться от своего затворничества было встречено со смесью изумления и зависти; некоторые посчитали это скандальной выходкой, другие – предательством. Адресатом

письма же является некий чиновник, экклезиаст, личность которого, как и многих в коллекции писем Мавропода, не удалось установить.

Письмо 20 написано в том же ключе, что и предшествующее ему. На этот раз адресовано оно некому «учителю», хотя слову этому в контексте послания Мавропод придаёт скорее саркастичное звучание. Ироничный характер носит и всё письмо, так как автор часто попрекает адресата тем, что он, Мавропод, достигает того, чего хотел для него «учитель», однако то, что прежде говорилось тоном справедливого наставника, теперь оказалось поводом для зависти и клеветы – «Что же касается нас, ты можешь видеть все свои наставления исполненными». Здесь присутствует и интересная пословица «олень вместо девы» - это, конечно, можно счесть за отсылку к античному мифу о жертве Ифигении: когда невинный оказывается не на своём месте и претерпевает злоключения судьбы.

Письмо 21 адресовано церковнослужителю, занимающему высокий пост, или настоятелю - об этом свидетельствует тон всего послания и обращения, которые использовал Иоанн Мавропод. Он также называет собеседника «утешителем», и тот мог быть близок к нему, возможно, будучи студентом или ассистентом в константинопольской школе Мавропода [К., 218]. Если рассматривать это письмо как написанное в то же время и в том же контексте, что и предыдущие два, то можно увидеть его в новом свете, например, отметив перемену в отношениях между собеседниками. Письмо 21 уже не носит характер защиты от нападок или же оправдательный характер. Однако в нём можно увидеть мотив упрёка за редкие и короткие письма. Как истинный византиец, Мавропод лишь делает адресату намёки, не отрицая, с одной стороны, и даже подтверждая его «божественную природу», а с другой стороны, завуалировано призывая его «снизойти» и общаться более доступно: «но нам ... только через какое-то время ты посылаешь слабый и тусклый свет, то есть эти немногие части короткого письма, приказывая, чтобы мы довольствовались только этим - твоей спиной».

Письмо 23 обращено Пселлу. В нём, как и в прочих, обращённых ученику и другу, присутствует обширный ряд цитат, свидетельствующий и подразумевающий высокий уровень образованности не только автора, но и адресата. В настоящем письме Мавропод не только цитирует различные источники, но и развивает эти цитаты, переплетая их между собой и дополняя. Так появляется следующий пассаж: «Ты теперь «витаешь в величественных высотах мудрости», как говорит Эмпедокл, и «ты приносишь мне радость в фазе полного цветения песни», говоря на этот раз словами Пиндара, и нынешнему поколению людей ты кажешься «образом Гермеса – покровителя наук», как «живая обитель муз», движущаяся и говорящая». Цитаты здесь вписываются в новый контекст, распространяются и подвергаются риторической амплификации. На протяжении всего письма развивается мотив друг – второе «я», Мавропод хвалит Пселла за успехи, поддерживает его и выказывает ему своё уважение как другу и учёному. Годы, в которые могло быть написано это письмо, стали периодом тесного общения между Пселлом и Мавроподом. Оно касается темы открытия Константинопольского университета, откуда, собственно, происходит и начало речи «Меня окружил сонм божественной философии» - речь, вероятно, о студентах и преподавателях школы, беседой с которыми Мавропод остался крайне доволен [Любарский 2001, 242].

Письмо 27 рисует и дополняет портрет личности Иоанна Мавропода. В послании он приносит адресату (опять же, человеку, занимавшему высокую должность, о чём свидетельствуют обращения) свои извинения за то, что ненароком ранил его чувства. Здесь присутствует и тема свободного мнения и свободы выбора, о котором много пишет Мавропод, и упоминание темы его жизненного кредо о незаметном существовании, невмешательстве в политическую и другие сферы общественной жизни. К сожалению, в письме отсутствуют любые детали, которые могли бы указать на конкретную личность адресата и тонкости их взаимоотношений с Мавроподом. По

немногим намёкам можно предположить, что у Мавропода были причины в чём-то отказать и противостоять адресату.

Письмо 28 могло быть адресовано Иоанну Ксифилину [К., 224], одному из ближайших товарищей и единомышленников Мавропода. Такой вывод был сделан на основе намёков автора на «знакомство» собеседника с римским правом. Послание также носит личный характер и хорошо отражает индивидуальность Иоанна Мавропода. Здесь то и дело появляется мотив скромности, выражения автором того, как он «недостойн» похвал от адресата и каких-либо других комплиментов в свой адрес, например, «... достаточно твоего восторга и хвалебных слов нам, о превосходнейший. Ты не сможешь убедить нас, приписывая нам несуществующие достоинства». Адресат же, напротив, возвышается, становится недостижимым в своей благости. Это нарочитое принижение своих способностей и черт наряду с объективизацией черт собеседника является типичным приёмом у византийских интеллектуалов.

Письмо 33 – ещё одно из адресованных Михаилу Пселлу. Судить о том, что именно он стал адресатом, позволяет исследование Карпозилоса, обращающегося здесь предположительному ответу Пселла на это письмо своим посланием с идентичным номером в собрании [К., 227]. Здесь у Мавропода присутствует ряд цитат и метафор, некоторые из которых перекликаются с метафорами у Пселла. Например, традиционное сравнение письма с беременностью и рождением ребёнка – «Но если мать достаточно здорова, чтобы родить и кормить новорожденных, почему же ты не произведешь на свет что-то большое, возбуждив в беременной обе способности: лелеять надежду и давать жизнь?». Использован и мотив упрека в редкости писем, а также, в случае их получения, - в краткости изложения. Мавропод сравнивает Пселла с Нилом, стыдит его за долгое молчание: «... какой малой капли слова моему текущему в золоте другу стало жаль для меня из-за своей несчастной лени. Он бы, наверное, не утомился,

захлѣстывая других целыми морями, а для меня же остался на столько времени сухим, на сколько, как мы слышим, египетский Нил совершает свой прилив». Однако, завершая свою порицательную речь, Мавропод выражает надежду на скорое «исправление» адресата, обращаясь к нему с просьбой писать чаще.

Письмо 38 адресовано ещё одному высокопоставленному церковнослужителю, но на этот раз по случаю назначения Иоанна Мавропода в епархию. В письме вновь господствует тема скромности, отрицания Мавроподом похвал, выраженных, вероятно, адресатом в его сторону. Мавропод всячески подчёркивает свою «недостойность» высоких похвал, и это проявляется с первых строк: «Господин наш, возвеличенный Господом, мы думаем, что твои похвалы подходят твоему собственному благородству - говорить и писать таким образом является обычной и подходящей тебе манерой - но принять эту честь неуместно для нас. Мы так абсолютно недостойны такой похвалы...». К тому же, Мавропод подчёркивает, что изобилие хвалебных слов может подтолкнуть даже скромного человека к честолюбию: «... так убежденные твоими чрезмерными похвалами, мы больше не будем ограничиваться, и при этом будем не в состоянии сдерживать себя, но сможем отважиться взлететь высоко в воздух из-за усердия или тщеславия, и можем заставить себя смело подняться до самых облаков, так как твои великолепные похвалы уже дали нам крылья...». Иоанн здесь сравнивает себя с Икаром, который, как известно, подлетел слишком близко к солнцу, что погубило его.

Письмо 50 вновь посвящается неизвестному церковному служителю, близкому другу Мавропода, к которому он идёт за поддержкой, прежде чем приступить к новым обязанностям митрополита Евхаит. Оно полно отчаяния и бессилия, ведь ссылка стала для Мавропода словно «каторгой», и все послания этих лет передают его тоску по столице и друзьям. В таких письмах Иоанн часто жалуется на проблемы со здоровьем, как бы невзначай вставляя

подобные ремарки в разных частях речи в надежде, что назначение отменят. Это письмо-рассуждение, и Мавропод пытается понять, как же вышло так, что он, приверженец λάθε βίωσας, как уже отмечалось, оказался в ситуации недовольства им Императорской властью: «... поскольку мы ожидали всего, кроме того, чтобы увидеть, как такое великое изменение грядёт на нас, несмотря на то, что мы всю свою жизнь старательно пытались, и ты не будешь отрицать, избежать такого поворота вещей». Ответ он находит для себя в божественном провидении и хитрой Судьбе, оттого просит адресата молиться за благополучие. Ещё одним мотивом здесь видится вновь постулирование превосходства живой беседы с адресатом, о чём можно судить по заключительным строкам: «В самом деле, мы сможем снова тебя увидеть, прежде чем отбудем отсюда, и так, чтобы иметь удовольствие от ясной картины божественного выражения удовольствия на твоём лице».

Письмо 51, обращенное к Пселлу, также рассматривается в контексте евхаитской ссылки Мавропода. Тон этого письма Михаилу Пселлу значительно отличается от всех предыдущих посланий: именно здесь встречается редкое для Византии XI века обращение к адресату на «Вы», что говорит о крайне резком, натянутом общении, о намеренном дистанцировании автора от адресата [Черноглазов 2015]. Это письмо-упрёк, выстроенное по классической этикетной формуле, но у Мавропода уже начинающее «жить своей жизнью»: оно становится гораздо более искренним и личным, видны неподдельные переживания автора, его негодование. Ведь адресат, Пселл, был ему добрым другом, однако, как считает Мавропод, друзья «предали и продали» его, бросили и забыли далеко в Евхаитах. Формула соседствует с мотивом упрёка в отсутствии писем, и, соответственно, их краткости или скудности. Здесь появляется и распространенный мотив дружбы, заключающийся в том, что друзья, будучи на расстоянии, остаются вместе душой, в том числе и с помощью писем, передающих этот образ [Черноглазов 2010, 176] – «Но тот, кто уехал от

друзей далеко, пребывает с ними посредством памяти; через уши и взор души он приятно наслаждается голосами и лицами своих друзей, и он не забывает упоминать их или представлять в своих речах, восхвалявая их достоинства в полной мере». Также Мавропод подмечает, что товарищи хотят казаться столь же расположенными к нему и благодетельными, однако, по его мнению, это не является таковым. В конце Мавропод понемногу умеряет пыл и просит адресата, Пселла, стать прежним, каковым он его знал; призывает, по всей видимости, «зарыть топор войны», сравнивая Пселла с Гермесом (образ, господствующий во всём послании) и рекомендуя бросить «воровское дело» и «споры» - что относится, как мы считаем, к их взаимоотношениям.

Письмо 59, адресованное Пселлу, можно счесть благодарностью за полученное письмо и похвалу ему. Очевидно, в промежутке между последними двумя письмами отношения между Мавроподом и Пселлом потеплели, ведь автор пишет последнему такие строки: «Мудрые, божественные и исполненные блага слова утешения, которые ты написал нам в своем письме, производя старое и новое из славного сокровища и используя всякое средство для нашего успокоения и утешения, восстановили нас в достаточной мере, поскольку мы почти ослабели перед пришествием дурного». Вновь появляется и упоминание вскользь о некой хвори, захватившей Мавропода, от которой он оправился благодаря письму Пселла. Мавропод посылает ему хвалы, благодарит за любовь и дружбу. Присутствует и просьба передать письмо, очевидно, относящееся к надежде Мавропода на помилование, в отношении чего он советовался и о чём просил Пселла, всё ещё приближенного к Императору и его окружению.

Письмо 60 постулирует мотив друг – второе «я». Мавропод снова искренне рад успехам Пселла: «Пусть он процветает, наш изумительный и самый дорогой из друзей, кто является особенным для нас теперь, как и в прошлом, украшением писем, храмом мудрости, который из любви и

усердного труда. Пусть же мы слышим всегда такие новости о нем, с тем, чтобы таким образом, чувствовать себя лучше, представляя и делая своим собственным процветание нашего друга», пишет он. Тем не менее, он укоряет Пселла в забвении и отсутствии участия. Здесь видно, как заметно «упал» тон письма, обнажая страдания, переживаемые Мавроподом в изгнании. Это и тревоги из-за конфликтов с гражданами, отправившими на него донесение Императору, и тоска по дому, и одиночество. Автор, вероятно, отвечает и на некий упрёк со стороны Пселла, так как говорит о том, что, будь у него больше времени, он писал бы длинные письма и чаще, но теперь досуга у него нет.

Письмо 70 адресовано Пселлу Любарским [Любарский 2001, 238]. Оно небольшое по объёму, но от этого не менее интересно как литературный источник. Здесь присутствует мотив восхваления адресата, с чего начинается и чему посвящена первая часть послания; затем речь снова идет о мотиве друг – второе «я», что можно подтвердить употреблением Мавроподом цитаты «у друзей всё общее». Тон письма свидетельствует о гармонии между автором и адресатом, появляются более искренние пожелания божьей милости и прочих благ.

Исходя из произведённого анализа исследуемых писем, можно предположить, что «общие» письма Иоанна Мавропода, то есть обращённые преимущественно к знакомым чиновникам, носят куда более официальный характер; письма же Михаилу Пселлу имеют совершенно иной тон. В них Мавропод не скрывает эмоций и может сердиться – и тогда это будет проходить сквозь всё послание, выходя за рамки этикетных формул; может, таким же образом, радоваться за любимого друга и переживать вместе с ним; кроме того, в письмах Пселлу наблюдается куда более широкий спектр цитат, нежели в остальных, и они рассчитаны на высокую образованность и начитанность адресата; по тому же принципу использованы мотивы и стилистические приёмы.

Глава 3. Язык, стиль и методы цитирования

Византийцам были известны две античные доктрины о стилистических уровнях прозы. Первая принадлежала Деметрию, выделявшему четыре уровня, а вторая – Дионисию Галикарнасскому, который вёл речь о трёх: высоком, среднем и низком уровнях стиля [Ševčenko 1981, 290]. Было принято опираться именно на учение Дионисия, более распространённое среди высокообразованных византийцев, в том числе, Михаила Пселла. Так, написанное высоким стилем предполагало наличие нарочито учёного и пуританского словарного запаса, содержащего и ἄλαξ λεγόμενα – редкие слова и словоформы, появляющиеся только в конкретных работах и созданные, в случае высокого стиля, на основе классического шаблона. Глагольные формы высокого стиля, в особенности, перфектные и плюсквамперфектные, - аттические. Важно упомянуть и обильное использование цитат. Среди них предпочтение отдаётся классическим и редким источникам, но используются и цитаты из Писания. В написанном же средним стилем больше клише и элементов разговорной речи, реалий или терминов, а цитаты, заимствованные из Писания, преобладают над классическими [Ševčenko 1981, 291].

Остановимся на вопросе употребления перфекта. В отличие от других, результативных времён, перфект показывает не «состояние участника в момент речи, а некоторую предшествующую моменту речи ситуацию, при этом не всякую предшествующую ситуацию, как это свойственно претериту, а лишь такую, последствия которой ощущаются в момент говорения» [Елоева, Черноглазов 2016, 8]. Перфект, воспринимаемый как неустойчивая категория, быстро превратился в анахронизм, а потом, из-за возникшей тенденции на возвращение к античным образцам, начал использоваться в качестве стилистического приема как средство архаизации [Елоева, Черноглазов 2016, 9]. В итоге развития, все его функции свелись к

идентичным функциям аориста – обозначению произошедшего завершённого действия. Возвращаясь к описанию речи византийцев, необходимо вновь отметить, что письменный язык интеллектуальной элиты, в отличие от языка менее образованного населения, практически не совпадал с тем, как эти же учёные византийцы изъяснялись в жизни. Они писали на ином, «искусственном наречии», которое изучали в процессе школьного обучения риторике и грамматике, поэтому в литературе наравне с другими архаичными формами продолжали «жить» синтетический перфект и плюсквамперфект [Елоева, Черноглазов 2016, 12].

Итак, в текстах низкого и среднего стилей перфект, в основном, заменялся более привычным речи византийцев аористом, играющим ту же роль прошедшего времени. Перфект использовался крайне редко, в основном это были производные от самых распространённых глаголов, таких как ποιέω ‘делать’ или γίνουμαι ‘становиться’ [Елоева, Черноглазов 2016, 12]. Сочинения же, написанные высоким стилем, имели тенденцию к архаизации, как говорилось ранее, поэтому писались на античный манер. Перфект, таким образом, воспринимался как элемент декора и свидетельствовал об изящном аттическом стиле написанного [Елоева, Черноглазов 2016, 16].

Иоанн Мавропод в своих письмах также прибегает к употреблению перфекта и плюсквамперфекта в значении прошедшего завершённого действия. Рассмотрим некоторые примеры из анализируемых в настоящей работе посланий:

- κέκραται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 1) от κεράννυμι ‘смешивать’;
- ἐκλέλησαι [Perf. Ind. MP. 2Sg.] (ep. 19) от ἐκλανθανω ‘совершенно забывать’;
- ἔοικεν [Perf. Ind. Act. 3Sg.] (ep. 19, ep. 38) от ἔοικα ‘походить, казаться’;
- δέδοται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 21) от δίδωμι ‘давать’;
- προείληπται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 28) от προλαμβάνω ‘брать, опережать’;

- ἀπέσταλται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 33) от ἀποστέλλω ‘отправлять’;
- συντέτακται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 33) от συντάσσω ‘устраивать, основывать’;
- ἔρρωται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 33) от ῥώννυμι ‘быть сильным, прилагать усилия’;
- εἶρηκας [Perf. Ind. Act. 2Sg.] (ep. 38) от λέγω ‘говорить’;
- πεπόνθαμεν [Perf. Ind. Act. 1Pl.] (ep. 50) от πάσχω ‘претерпевать, испытывать’;
- ὑπέικεν [Plur. Ind. Act. 1Sg.] (ep. 50) от ὑφίημι ‘уступать’;
- πέπραται [Perf. Ind. MP. 3Sg.] (ep. 51) от πιπράσκω ‘продавать, предавать’;
- ἔοικε [Perf. Ind. Act. 3Sg.] (ep. 51, ep. 60) от ἔοικα ‘подходить, казаться’;
- προδεδόμεθα [Perf. Ind. MP. 1Pl.] (ep. 51) от προδίδωμι ‘выдавать’;
- ἐκτετυφλώσθαι [Perf. Inf. MP.] (ep. 51) от ἐκτυφλόω ‘ослеплять, затемнять’;
- ἔρρώσθω [Perf. Imperat. MP. 3Sg.] (ep. 70) от ῥώννυμι ‘быть сильным, прилагать усилия’;

Встречаются и случаи употребления перфектных причастий:

- πεπληρωμένον [Part. Perf. MP. Acc. Sg.] (ep. 28) от πληρόω ‘наполнять, возмещать’;
- συνεζευγμένην [Part. Perf. MP. Acc. Sg.] (ep. 38) от ζεύγνυμι ‘закладывать, соединять’;
- ἐκδεδομένον [Part. Perf. MP. Acc. Sg.] (ep. 51) от δίδωμι ‘давать’;
- πεπραμένον [Part. Perf. MP. Acc. Sg.] (ep. 51) от πιπράσκω ‘продавать, предавать’;
- κεχαρισμένος [Part. Perf. MP. Nom. Sg.] (ep. 70) от χαρίζομαι ‘угождать’;

- μεταπελάσμενος [Part. Perf. MP. Nom. Sg.] (ер. 70) от μεταλλάσσω ‘преображать, превращать’.

О том, что Иоанн Мавропод пишет в возвышенном аттическом стиле, свидетельствует и обилие цитат. Наравне с цитатами из Священного Писания он использует цитаты из классических, античных авторов; цитирует пословицы и тексты Отцов Церкви, что будет более подробно указано далее.

Тем не менее, нельзя не согласиться и с позицией Карпозилоса [К., 32-34], который, в свою очередь, полагает, что Мавропод изъясняется со своими адресатами просто и довольно аскетично, а общий стиль его посланий вообще создаёт впечатление, что Мавропод специально пытается казаться более сдержанным, не используя чрезмерно сложного языка и избегая всякого рода излишеств. Карпозилос считает, что говорить об определённом стиле письма в случае Мавропода непросто, потому что мы имеем дело с языком, придерживающимся рамок стереотипных форм и выражений, то есть с искусственным языком, склонным культивировать античные клише и банальности. Также предполагается, что существенное влияние, в основном, на стиль жизни Мавропода оказали труды Григория Назианзина, которому Мавропод стремился подражать и когда речь шла о стиле письменной речи. Полагается, что он сознательно имитирует его стиль в своих эпиграммах и посланиях, ведь среди ссылок Иоанна Мавропода на античных и христианских авторов, являющихся стандартом, цитаты Назианзина занимают особое место [К., 33].

Письма Иоанна Мавропода, как уже отмечалось, дают адекватное представление о той среде, из которой они возникли. В них отражена и риторическая «подкованность» Мавропода, и его образованность, и подтверждение того факта, что его единомышленники и друзья были, по большей части, членами светской и церковной элиты [К., 34]. Важной особенностью его писем представляется хрупкий баланс, который он

соблюдает между письмом как литературным произведением и письмом как способом общения с отсутствующим адресатом.

Далее в настоящей работе рассматриваются сравнительные таблицы цитат, составленные следующим образом: слева приводятся отрывки из цитируемых источников, а справа – соответствующие пассажи из писем Иоанна Мавропода. Цитаты группируются по характеру источника – тексты Священного Писания, труды античных авторов, пословицы и Святоотеческая литература. Таблицы расположены по убыванию - в соответствии с тем, цитаты какой категории наиболее многочисленны в настоящей работе.

Сравнительная таблица 1

Тексты Священного Писания (Ветхий и Новый заветы)

№	Оригинал	Иоанн Мавропод
1	<p>ἐγένετο δὲ ἑσπέρα, <u>καὶ ἀνέβη ὀρτυγομήτρα</u> καὶ ἐκάλυψεν τὴν παρεμβολήν• τὸ πρῶτ ἐγένετο καταπαυομένης τῆς δρόσου κύκλω τῆς παρεμβολῆς <...> (Exod. 16, 13); cf. καὶ πνεῦμα ἐξῆλθεν παρὰ κυρίου <u>καὶ</u> <u>ἐξεπέρασεν ὀρτυγομήτραν ἀπὸ τῆς θαλάσσης</u> καὶ ἐπέβαλεν ἐπὶ τὴν παρεμβολὴν ὁδὸν ἡμέρας ἐντεῦθεν καὶ ὁδὸν ἡμέρας ἐντεῦθεν κύκλω τῆς παρεμβολῆς ὡσεὶ δίπηχυ ἀπὸ τῆς γῆς. (Num. 11, 31)</p>	<p>τὸ τῆς ὀρτυγομήτρας ἐκεῖνης (ep. 6, 5)</p>

2	καὶ <u>ἔβρεξεν ἐπ’</u> αὐτοὺς ὡσεὶ χοῦν σάρκας καὶ ὡσεὶ ἄμμον θαλασσῶν <u>πετεινὰ πτερωτά</u> (Ps. 77, 27)	ἦν και προφητῶν θειαι γλῶσσαι δια θαύματος ἄγουσιν, ὡσεὶ ἄμμον <u>ἔβρεξε,</u> λέγουσαι, <u>πετεινὰ πτερωτά</u> (ep. 6, 6-7)
3	γινώσκετε γὰρ τὴν χάριν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅτι δι’ ὑμᾶς ἐπτώχευσεν πλούσιος ὢν, <u>ἵνα ὑμεῖς τῇ ἐκείνου πτωχείᾳ</u> <u>πλουτήσητε.</u> (II Cor. 8, 9)	<u>ἴν’ ἡμεῖς τῇ ἐκείνου πτωχείᾳ πλουτίσωμεν</u> (ep. 6, 25-26)
4	ὅτι ἐκ τοῦ πληρώματος αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες <u>ἐλάβομεν,</u> καὶ χάριν ἀντὶ χάριτος• (Ioann. 1, 16)	το <u>ἐκ τοῦ πληρώματος αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες</u> <u>ἐλάβομεν</u> (ep. 6, 27)
5	ἔφη αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ Εὐ, δοῦλε ἀγαθὲ καὶ πιστέ, ἐπὶ ὀλίγα ἦς πιστός, ἐπὶ πολλῶν σε καταστήσω: εἰσελθε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ κυρίου σου. (Matth. 25, 21)	μακαρίαν χαρὰν, ἅτε δοῦλον πιστὸν και ἀγαθόν (ep. 9, 23-24)
6	οἶδα ἄνθρωπον ἐν Χριστῷ πρὸ ἐτῶν δεκατεσσάρων — <u>εἴτε ἐν σώματι οὐκ οἶδα,</u> εἴτε ἐκτὸς τοῦ σώματος οὐκ οἶδα, ὁ θεὸς οἶδεν — ἀρπαγέντα τὸν τοιοῦτον ἕως τρίτου οὐρανοῦ. (II Cor. 12, 2)	τον τοιοῦτον ἄνθρωπον οἶδα• <u>εἴτε ἐν</u> <u>σώματι οὐκ οἶδα</u> • εἴτε και οὐχ οὕτως, οὐκ οἶδα • ὁ θεὸς οἶδε (και πολλοὶ τῶν ἀνθρώπων) <...> (ep. 19, 14)
7	ὑπὲρ τοῦ τοιοῦτου <u>καυχῆσομαι,</u> ὑπὲρ δὲ ἐμαυτοῦ οὐ καυχῆσομαι εἰ μὴ ἐν ταῖς ἀσθενείαις [μου].	περὶ τοῦ τοιοῦτου <u>καυχῆσομαι</u> (ep. 19, 18)

	(II Cor. 12, 5)	
8	Ἦ ποιήσατε τὸ δένδρον καλὸν καὶ τὸν καρπὸν αὐτοῦ καλόν, ἢ ποιήσατε τὸ δένδρον σαπρὸν καὶ τὸν καρπὸν αὐτοῦ σαπρόν• ἐκ γὰρ τοῦ καρποῦ τὸ δένδρον γινώσκεται. (Matth. 12, 33)	ἄναγε σαυτὸν εἰς τὰ φιλοσοφηθέντα σοὶ πρὸς ἡμᾶς πλεονάκις καὶ γινῶθι <u>τον παρόντα καρπὸν ἀπο τῶν σῶν ἐκφύντα σπερμάτων.</u> (ep. 20, 20)
9	ὁ ἔχων ὄτα ἀκουέτω. (Matth. 11, 15)	εἰς ἀκούοντος ὄτα... (ep. 20, 25-26)
10	καὶ ἐκεῖνοί εἰσιν οἱ ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν σπαρέντες, οἵτινες ἀκούουσιν τὸν λόγον καὶ παραδέχονται καὶ καρποφοροῦσιν <u>ἐν τριάκοντα καὶ ἐν ἐξήκοντα καὶ ἐν ἑκατόν.</u> (Marc. 4, 20)	καὶ χαιρε τὸν σπὸρον σου πληθυνθέντα ὀρῶν εἰς τὸν <u>τριάκοντα τέως• εἰ δε ταις εὐχαις ἐπαρδεύσεις, ἀποδώσει σοὶ τάχα καὶ τὸν ἐξήκοντα, τάχα δε καὶ τὸν ἑκατόν.</u> (ep. 20, 29-31)
11	<u>κἀγὼ ἐρωτήσω τὸν πατέρα καὶ ἄλλον παράκλητον</u> δώσει ὑμῖν ἵνα μεθ' ὑμῶν εἰς τὸν αἰῶνα ἦ (Ioann. 14, 16)	<u>Ἡρώτησα κἀγὼ τὸν πατέρα, δεσποτικοῖς ἐπόμενος ὑποδείγμασι, καὶ ἄλλον παράκλητον</u> (ep. 21, 1-2)
12	καὶ <u>ἔθετο σκότος ἀποκρυφὴν αὐτοῦ</u> • κύκλω αὐτοῦ ἢ σκηνὴ αὐτοῦ, σκοτεινὸν ὕδωρ ἐν νεφέλαις ἀέρων. (Ps. 17, 11); cf. Οὐ προσνοήσει με ὀφθαλμός, καὶ <u>ἀποκρυβὴν προσώπου ἔθετο.</u>	ἀποκρυφὴν τιθεὶς σεαυτοῦ (ep. 21, 9)

	(Job 24, 15)	
13	καὶ ἀφελῶ τὴν χεῖρα, καὶ τότε ὄψῃ τὰ ὀπίσω μου, <u>τὸ δὲ πρόσωπόν μου οὐκ ὀφθήσεται σοι.</u> (Exod. 33, 23)	<u>τὸ δε πρόσωπόν μου</u> , φῆς που τάχα κατὰ σαυτόν, <u>οὐκ ὀφθήσεται σοι</u> (ep. 21, 13-14)
14	Νῦν ἠρξάμην λαλῆσαι πρὸς τὸν κύριον, ἐγὼ δέ εἰμι <u>γῆ καὶ σποδός</u> • (Gen. 18, 27)	οἴτινες ὄντες, <u>γῆ καὶ σποδός</u> , θειοτέραν ὄψιν... (ep. 21, 15)
15	Τότε ὁ Ἰησοῦς εἶπεν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ, Εἴ τις θέλει ὀπίσω μου ἐλθεῖν, ἀπαρνησάσθω ἑαυτόν <u>καὶ ἀράτω τὸν σταυρὸν αὐτοῦ καὶ ἀκολουθείτω μοι.</u> (Matth. 16, 24)	ὁ σοι τὸν σταυρὸν ὑπογράφει καὶ τὴν <u>τοῦ σταυρωθέντος ἐπακολούθησιν.</u> (ep. 21, 26-27)
16	ταῦτα δὲ τυπικῶς συνέβαιναν ἐκείνοις, ἐγράφη δὲ πρὸς νοουθεσίαν ἡμῶν, εἰς οὓς τὰ τέλη τῶν αἰώνων κατήντηκεν. (I Cor. 10, 11)	εἰς οὓς τὰ τέλη τῶν αἰώνων κατήντησε (ep. 23, 16)
17	πάντοτε τὴν νέκρωσιν τοῦ Ἰησοῦ <u>ἐν τῷ σώματι περιφέροντες</u> , ἵνα καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἰησοῦ ἐν τῷ σώματι ἡμῶν φανερωθῇ. (II Cor. 4, 10)	τὴν ἀνθρωπίνην ἀσθένειαν ἐν εαυτοῖς περιφέροντες.. (ep. 27, 3)
18	Ἐὰν γὰρ ἀφῆτε τοῖς ἀνθρώποις τὰ παραπτώματα αὐτῶν, ἀφήσει καὶ ὑμῖν ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος• (Matth. 6,14)	ὥς ἂν ἀφεθῆ καὶ σοι παρά τοῦ ἀφιέντος τοῖς ἀφεισι (ep. 27, 45-46)

19	<p><u>ἐτάζων καρδίας καὶ νεφρούς ὁ θεός.</u> (Ps. 7, 10)</p>	<p>ὁ ἐτάζων καρδίας καὶ νεφρούς ἐρευνῶν (ep. 27, 49)</p>
20	<p>Καὶ ὃς ἂν <u>σκανδαλίση ἓνα τῶν μικρῶν τούτων τῶν πιστευόντων [εἰς ἐμέ]...</u> (Marc. 9, 42) cf. <u>ἵνα σκανδαλίση τῶν μικρῶν τούτων ἓνα.</u> (Luc. 17, 2)</p>	<p>δια τον μηδέ τῶν μικρῶν τινα τούτων ἐπιτρέποντα σκανδαλίζειν (ep. 27, 53-54)</p>
21	<p>καὶ ἐλάλησεν κύριος πρὸς Μωυσῆν <u>ἐνώπιος ἐνωπίω, ὡς εἴ τις λαλήσει πρὸς τὸν ἑαυτοῦ φίλον.</u> (Exod. 33, 11)</p>	<p>εἰ και μη <u>ἐνώπιος ἐνωπίω, ὡς εἰ τις λαλήσει πρὸς ἑαυτοῦ φίλον</u> (ep. 27, 60-61)</p>
22	<p>ὄλη καλὴ εἶ, ἢ πλησίον μου, καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν σοί. (Cant. 4,7)</p>	<p>καλὸς ὄλος εἶ, και ουκ ἔστι μῶμος εν σοι. (ep. 27, 65-66)</p>
23	<p>φοβερὸν τὸ ἐμπεσεῖν <u>εἰς χεῖρας θεοῦ ζῶντος.</u> (Hebr. 10, 31)</p>	<p>χειρός θείας ἀντικρυς ἐκεῖνος ὁ ἄνθρωπος (ep. 50, 18-19)</p>
24	<p>ἐγὼ κύριος ὁ θεός, τοῦτό μού ἐστιν τὸ ὄνομα• <u>τὴν δόξαν μου ἐτέρω οὐ δώσω οὐδὲ τὰς ἀρετάς μου τοῖς γλυπτοῖς.</u> (Isai. 42, 8)</p>	<p>Μηδέ δῶς, ὅπερ ἤκουσας, ἐτέρω τὴν δόξαν σου (ep. 50, 26-27)</p>
25	<p>Διὰ τοῦτο <u>πᾶς γραμματεὺς μαθητευθεὶς τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν ὅμοιός ἐστιν ἀνθρώπῳ οἰκοδεσπότη ὅστις ἐκβάλλει ἐκ τοῦ</u></p>	<p>ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ παλαιὰ παράγων καὶ νέα</p>

	θησαυροῦ αὐτοῦ καινὰ καὶ παλαιά. (Matth. 13, 52)	(ep. 59, 3)
26	ἐν ταύταις ταῖς δυσὶν ἐντολαῖς ὅλος ὁ νόμος κρέμαται καὶ οἱ προφηταί. (Matth. 22, 40)	Ἡ κεφάλαιον οὗσα νόμου καὶ προφητῶν (ep. 59, 8)
27	καὶ διὰ τὸ πληθυνθῆναι τὴν ἀνομίαν ψυγήσεται ἡ ἀγάπη τῶν πολλῶν. (Matth. 24, 12)	διὰ τὸ τῆς ἀνομίας πλῆθος (ep. 59, 9)
28	ἡ σοφία ὠκοδόμησεν ἑαυτῇ οἶκον καὶ ὑπῆρξεν στύλους ἑπτὰ (Prov. 9, 1)	τῆς σοφίας ὁ οἶκος, ὃν αὐτὴ φιλοπόνως ἑαυτῇ ὠκοδόμησε (ep. 60, 17-18)

Сравнительная таблица 2

Труды античных авторов

№	Оригинал	Ιοανн Μαυροποδ
1	... ὅταν ἡρινὰ μὲν φωνῆ χειλιδῶν ἐξομένη κελαδῆ (Aristoph. Pax. 800)	κάκειθεν ἡμῖν ἑαρινὰ κελαδοῦσα (ep. 1, 5-6)
2	οἱ τὰς Σειρῆνας ποτὲ παραπλέουντες καὶ τὰ μέλη ταῖς ἀκοαῖς ἀρυόμενοι οὐ πατρίδας ἐπόθουν... (Proc. Gaz. Ep. 120, 1)	Σειρηνεῖους ὠδάς (ep. 1, 23)

3	<p>ἡ δὲ ἰδέα τῶν Πολέμωνος λόγων θερμὴ καὶ ἐναγώνιος καὶ τορὸν ἠχοῦσα, ὥσπερ ἡ Ὀλυμπιακὴ σάλπιγξ, ἐπιπρέπει δὲ αὐτῇ καὶ τὸ Δημοσθενικὸν τῆς γνώμης, καὶ ἡ σεμνολογία οὐχ ὑπτία, λαμπρὰ δὲ καὶ ἔμπνους, ὥσπερ ἐκ τρίποδος.</p> <p>(Philostr. Vit. Soph. 1, 25, 10)</p>	<p>τορὸν τι καὶ μέγα καὶ λαμπρὸν ἐξόχως ἠχεῖ (ep. 1, 26-27)</p>
4	<p>... τοῦ καὶ <u>ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή</u>•</p> <p>(Hom. Il. 1, 249)</p>	<p><u>Σοῦ καὶ ἀπο γλώσσης</u>, ὦ βέλτιστε, μέλιτος <u>ἠδίων ῥέει αὐδή</u>..</p> <p>(ep. 6, 1)</p>
5	<p>πάσχουσι δὲ αὐτὸ καὶ οἱ τὴν <u>κενὴν μακαρίαν</u> ἑαυτοῖς ἀναπλάττοντες</p> <p>(Lucian. Hermot. 71)</p> <p>cf.</p> <p>Οὐδέν, ὃ θαυμάσιε, τοιοῦτον, ἀλλὰ τινα πλοῦτον ἑμαυτῷ ἀνεπλαττόμην, ἣν <u>κενὴν μακαρίαν</u> οἱ πολλοὶ καλοῦσιν, καί μοι ἐν ἀκμῇ τῆς περιουσίας καὶ τρυφῆς ἐπέστητε.</p> <p>(Lucian. Navig. 11)</p>	<p>νῦν ταύτην <u>κενὴν μακαρίαν</u></p> <p>(ep. 6, 34)</p>
6	<p>σὺν δὲ φιλοφροσύναις εὐηράτοις Ἀγησία δέξαιτο κῶμον</p> <p><u>οἴκοθεν οἴκαδ'</u> ἀπὸ Στυμφαλίων τειχέων ποτινισσόμενον</p> <p>(Pind. Olymp. 6, 99)</p> <p>cf.</p>	<p>οἴκοθεν οἴκαδε</p> <p>(ep. 9, 18)</p>

	<p>φιάλαν ὡς εἶ τις ἀφνειᾶς ἀπὸ χειρὸς ἐλῶν ἔνδον ἀμπέλου καχλάζοισαν δρόσῳ δωρήσεται νεανία γαμβρῷ προπίνων <u>οἴκοθεν οἴκαδε</u>, πάγχρυσον κορυφὰν κτεάνων (Pind. Olymp. 7, 4)</p>	
7	<p>... ἀμφοῖν γὰρ ὄντιον φίλοιν ὅσιον προτιμᾶν τὴν ἀλήθειαν. (Arist. Eth. Nic. I 4, 1096a 14-17)</p>	<p>φίλη γὰρ ἡ ἀλήθεια (ep. 19, 11)</p>
8	<p>φράζεο Τυδεΐδῃ καὶ χάζεο, μηδὲ θεοῖσιν ἴσ' ἔθελε φρονέειν, ἐπεὶ οὐ ποτε φύλον ὁμοῖον ἀθανάτων τε θεῶν <u>χαμαὶ ἐρχομένων</u> τ' ἀνθρώπων. (Hom. Il. 5, 442)</p>	<p>ἡμῖν τοῖς ἐρχομένοις χαμαί (ep. 21, 19)</p>
9	<p>ὄσα μὲν τοίνυν ἢ βασιλεῦσι νομοθετῶν ἢ παραινῶν τοῖς καθ' ἕκαστον τὸν τῶν ἀνθρώπων εὖ πεποίηκε βίον, μακρὸν ἂν εἶη διεξελεθεῖν, ἀλλ' οἷα περὶ τῆς παιδείας ἐφιλοσόφησεν. (Aphthon. Progymn. III, 5-8)</p>	<p>ὅτε πόσος ὁ βίος τῶν ἀνθρώπων ἐρωτηθεῖς, μικρὸν τι φανεῖς ἀπεκρύψατο. (ep. 21, 35-36)</p>
10	<p>εἶην <u>ἀθάνατος</u> καὶ ἀγήρως ἤματα πάντα (Hom. Il. 8, 539)</p>	<p>καὶ ἀθανάτους ἤματα πάντα. (ep. 21, 40-41)</p>
11	<p>ἀγλαΐζεται δὲ καὶ μουσικᾶς ἐν ἄωτῳ</p>	<p>ἀγλαΐζη μοι δε καὶ μουσικῆς ἀν ἄωτῳ (ep. 23, 13-14)</p>

	(Pind. Olymp. 1, 14-15)	
12	ἀλλ' ἔμοιγε τούτου παρασταίη βοηθὸς ὃ τε λόγιος Ἑρμῆς ξὺν ταῖς (Jul. Orat. IV, 132a)	Ἑρμοῦ λογίου (ep. 23, 14-15)
13	ὥσπερ αὐχμὸς τις τῆς σοφίας γέγονεν, καὶ κινδυνεύει (Plat. Men. 70c 4)	σὺν αὐχμῶ τηλικούτῳ γνώσεως καὶ παιδεύσεως (ep. 23, 16-17)
14	ἀλλὰ τύχη ἀγαθῆ καταρχέτω Φαῖδρος καὶ ἐγκωμιαζέτω τὸν ἔρωτα. (Plat. Symp. 177e) cf. ἀλλ', ὦ Κρίτων, τύχη ἀγαθῆ, εἰ ταύτη τοῖς θεοῖς φίλον, ταύτη ἔστω: οὐ μέντοι οἶμαι ἦξειν αὐτὸ τήμερον. (Plat. Crit. 43d)	σὺν ἀγαθῇ πειράσομαι τύχη (ep. 23, 24)
15	εἰ δὴ τῶν ποιημάτων ἐρᾶς ἅπερ ἤτησας (καίτοιγε ἡμεῖς οὐδὲν αὐτοῖς σὺνισμεν ἀγαθόν, ὅτι μὴ τὴν ὑπόθεσιν), σύνευξαι Κυρηναίοις μικρὸν ἀπὸ τῶν ὄπλων γενέσθαι. (Synes. Ep. 130, 10-11)	ἡμεῖς δε μηδέν συγγινώσκωμεν ἑαυτοῖς ἀγαθόν (ep. 27, 5-6)
16	τυφλοῦται γὰρ περὶ τὸ φιλούμενον ὁ φιλῶν (6-7 Plat. Leg. V, 731E)	τυφλὸν ἐστὶ τὸ φιλοῦν περὶ τὸ φιλούμενον (ep. 38, 7-8)

17	αἱ γὰρ εὖνοιαὶ δειναὶ δεκάσαι τὰς κρίσεις. (Synes. Epist. 1, 14)	καὶ οἱ <u>δεκάσαι καὶ παραφθεῖραι δειναὶ τὰς τῶν κρινόντων γνώμας αἱ εὖνοιαὶ.</u> (ep. 38, 8-9)
18	πρὶν τι κακὸν παθεῖν: ῥεχθὲν δέ τε νήπιος ἔγνω. (Hom. Il. 17, 32) cf. παθὼν δέ τε νήπιος ἔγνω. (Hesiod. Op. 218)	παθόντες γοῦν ἔγνωμεν κατὰ τὸν Ὀμηρικὸν νήπιον (ep. 51, 16)
19	ἄριστον μὲν ὕδωρ, ὁ δὲ χρυσὸς αἰθόμενον πῦρ (Pind. Olymp. 1, 1)	ὡς αἰθόμενον πῦρ (ep. 51, 27-28)
20	ἐχθαίρων δ' ἐμὸν πατέρα: λόγῳ γὰρ ἦσαν οὐκ ἔργῳ φίλοι. (Eur. Alc. 339)	τοῖς ἔργοις ἢ τοῖς λόγοις (ep. 51, 39)
21	τῆδε γὰρ ἔβρισαν πόλεμον κάτα δακρυόεντα (Hom. Il. 17, 512)	καὶ τῆδε νῦν ἔβρισε πολὺδακρυς πόλεμος (ep. 60, 4-5)
22	καὶ μὴ μόνος τὸ χρηστὸν ἀπολαβὼν ἔχε (Eur. Orest. 451)	μόνος τὸ χρηστὸν ἀπολαβὼν ἔχει (ep. 60, 13)
23	μετάδος φίλοισι σοῖσι σῆς εὐπραξίας (Eur. Orest. 450)	τὴν ευπραγίαν τοῦ φίλου (ep. 60, 19)

Сравнительная таблица 3.

Пословицы

№	Оригинал	Ιοανн Μαυροποδ
1	<p>Μία χελιδών ἕαρ οὐ ποιεῖ, οὐδὲ μία μέλισσα μέλι. (CPG II 79)</p> <p>cf. Μία χελιδών ἕαρ οὐ ποιεῖ. (CPG II 531)</p> <p>cf. Τὸ γὰρ ἕαρ οὔτε μία χελιδών ποιεῖ οὔτε μία ἡμέρα. (CPG II 690)</p>	<p>Οὐκ ἔξὸν ποιεῖν ἕαρ χελιδόνι μιᾷ (ep. 1, 16)</p>
2	<p>Χαλεπὰ τὰ καλὰ. (CPG I 172, 462; CPG II 89, 717)</p>	<p>Τὰ καλὰ σπάνια (ep. 1, 19-20)</p>
3	<p>Τὰ πέρυσι ἀεὶ βελτίω (CPG II 659)</p>	<p>τὸ τῆς παροιμίας πιστώση, <u>ἀεὶ τὰ πέρυσι βελτίω</u> τιθείσης (ep. 6, 11-12)</p>
4	<p>Μεταβολὴ πάντων γλυκύ. (CPG II 523)</p>	<p><u>Μεταβολὴν μὲν πάντων γλυκύ</u> κατὰ τὸν εἰπόντα νομίζει... (ep. 6, 14)</p>
5	<p>Πάσσαλος πασσάλῳ ἐκκρούεται. (CPG I 253)</p>	<p>Ἐπεὶ δε <u>πασσάλῳ</u> τὸν <u>πάσσαλον</u> προσφυῶς <u>ἐξεκρούσαμεν</u>... (ep. 19, 36-37)</p>

6	Ἄνω κάτω πάντα (CPG II 61)	και ουδεν απλῶς ἄλλο ἢ <u>τά ἄνω κάτω</u> ποιῶν, ο δη λέγεται.. (ep. 20, 3)
7	Ὀστράκου μεταπεσόντος (CPG I 285; II 45)	νῦν δε, καθάπερ <u>ὀστράκου μεταπεσόντος</u> (ep. 20, 4)
8	Γνῶθι σεαυτὸν (CPG I 391)	και το <u>γνῶθι σαυτὸν</u> φιλοσοφήσομεν τελεώτερον... (ep. 21, 32)
9	Ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων (CPG II 407)	τοῦτο γαρ πως ημιν <u>ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων</u> (ep. 27, 8-9)
10	Ἴππον εἰς πεδίον διδάσκεις τρέχειν (CPG II 464)	ἵππον γαρ ἐπαφήμι πεδίῳ τον δρομικόν (ep. 28, 1)
11	Ἄετὸς ἐν νεφέλαις (CPG II 95)	Και ἀετὸν εἰς νεφέλας (ep. 28, 2)
12	Τὴν Χάρυβδιν ἐκφυγῶν, τῇ Σκύλλῃ περιέπεσον (CPG II 672)	ὥσπερ οἱ τῇ Σκύλλῃ τῇ μυθικῇ περιπίπτοντες δέει τῷ προς την Χάρυβδιν. (ep. 28, 32-33)

13	<p>Διά κενῆς. (CPG II 157)</p>	<p>και φίλτατος ὑπάρχων ἐμοί, <u>διά κενῆς</u> ἐξηπάτα με.. (ep. 38, 12)</p>
14	<p>Ἄνδρι Λυδῶ πράγματ' οὐκ ἦν, ἀλλ' αὐτὸς ἐξελθὼν ἐπρίατο. (CPG I 29) cf. Ἄνδρι Λυδῶ πράγματα οὐκ ἦν, ἀλλ' αὐτὸς ἐξελθὼν ἐπρίατο. (CPG II 7)</p>	<p>οὐχ ὁ Λυδὸς γὰρ τα πράγματα, τὸν Λυδὸν δε τα πράγματα πριάμενα μᾶλλον (ep. 51, 1-2)</p>
15	<p>Παθὼν δέ τε νήπιος ἔγνω. (CPG II 85)</p>	<p>παθόντες γοῦν ἔγνωμεν κατὰ τὸν Ὀμηρικὸν νήπιον (ep. 51, 16)</p>
16	<p>Ἑρμαιον κοινόν; Ἑρμῆς κοινός. (CPG II 420)</p>	<p>τύπον Ἑρμοῦ (ep. 51, 24)</p>
17	<p>Τυφλοῦται περὶ τὸ φιλούμενον ὁ φίλων. (CPG II 777)</p>	<p>τὴν φιλίαν βλέψαι ποιήσει, τρόπον ἕτερον δοκοῦσαν ἐκτετυφλῶσθαι (ep. 51, 29-30)</p>

18	Ἄλλος βίος, ἄλλη δίαιτα. (CPG I 7; II 142)	Ἄλλος βίος, ἄλλη δίαιτα (ep. 60, 8-9)
19	Κοινὰ τὰ φίλων. (CPG I 106); Κοινὰ τῶν φίλων. (CPG I 266); Κοινὰ τὰ τῶν φίλων. (CPG II 76, 481)	Τὰ τῶν φίλων κοινὰ (ep. 70, 3)

Сравнительная таблица 4.

Святоотеческая литература

№	Оригинал	Ιοανн Μαυροποδ
1	Ταῦτ' ἔλεγον, καὶ ἡ θήρα παρῆν, ὄψον αὐτόματον, ἀπραγμάτευτος πανδαισία, ἔλαφοι τῶν λόφων ποθὲν ὑπερφανέντες ἀθρόως. (Greg. Naz. Orat. XLIII, 7)	ὄψον αὐτόματον, ἀπραγμάτευτος πανδαισία, τὸ θεολογικὸν εἰπεῖν εὐκαιρον (ep. 6, 3-4)
2	... καὶ λογικῶς συγγινόμενος καὶ κατεπάδων τοῖς λογισμοῖς καί, ὅπερ ἦν ἀληθές, οὔτε ἦθος ἀνδρὸς εὐθύς ἀλωτὸν εἶναι λέγων, ὅτι μὴ χρόνω πολλῶ καὶ συνουσία τελεωτέρα, οὔτε παιδευσιν τοῖς πειρωμένοις ἐξ ὀλίγων τε καὶ ἐν ὀλίγῳ γνωρίζεσθαι. (Greg. Naz. Orat. XLIII, 18)	οὔτε ἦθος ἀνδρὸς εὐθύς ἀλωτὸν οὔτε χώρας φύσις καὶ ἀρετή, ὅτι μὴ χρόνω μακρῶ καὶ συνουσία τελεωτέρα . (ep. 6, 32-33)

3	<p>... ἀνδρὶ τᾶλλα μὲν οὐκ ἀγεννεῖ καὶ θαυμαστῶ τὴν εὐσέβειαν, ὡς ἔδειξεν ὁ τότε διωγμός, καὶ ἡ πρὸς αὐτὸν ἔνστασις, <u>ὅμως δέ τι παθόντι πρὸς ἐκεῖνον ἀνθρώπινον</u>•</p> <p>(Greg. Naz. Orat. XLIII, 28)</p>	<p>ὅμως δέ τι ἀνθρώπινον τηνικαῦτα παθόντες.</p> <p>(ep. 27, 17)</p>
4	<p>ἀλλ' ὁ παντὸς πλούτου τοῖσγε νοῦν ἔχουσιν ὑψηλότερον ἐστίν, <u>το κάλλιστον ὄντος δεξίωμα κατὰ Πίνδαρον</u>, τὰ σὰ, φημί, γράμματα, καὶ ὁ πολὺς ἐν ἐκείνοσ πλοῦτος.</p> <p>(Greg. Nyss. Epist. 14, PG 46, 1049-1052)</p>	<p>τω καλλίστω βροτοῖς δεξιώματι</p> <p>(ep. 51, 26-27)</p>

Одной из важных задач цитирования в византийской литературе является стилистическое украшение текста, рассчитанное на просвещённого читателя, который знаком с наследием античности, с Ветхим и Новым заветами, распространёнными пословицами и так далее. Поэтому в текстах писем Иоанна Мавропода присутствует довольно много разнообразных художественных приёмов, таких как использование маркированных и немаркированных цитат, аллюзий, парафраз и контаминаций. В рамках настоящей работы рассмотрены некоторые из них.

Немаркированные цитаты, которыми, как можно наблюдать исходя из данных в таблицах настоящей работы, Мавропод пользуется наиболее часто, представляют собой неотъемлемый элемент литературной игры между собеседниками: автором и адресатом. Адресату предстоит раскрыть цитату, найти её источник и изначальный контекст, а затем, соответственно, прийти к разгадке смысла, который заложен автором в тексте письма.

Встречаются, хотя и гораздо реже, в эпистолярном наследии Иоанна Мавропода и абстрактно маркированные цитаты. В качестве примера ниже

приводятся следующие фрагменты из исследуемого в данной работе письма б: цитаты из корпуса пословиц: (1) СРГ II 659 и (2) СРГ II 523, цитата из Священного Писания (3) Ps. 77, 27 и, наконец, цитата из речи Григория Назианзина (4) Greg. Naz. Orat. XLIII, 7.

(1): «Поскольку с тем, что ты делаешь, скорее через то, что ты испытываешь, ты подтверждаешь пословицу, которая гласит: «прошлый год всегда лучше», таким образом, определяя прошлое как лучшее, чем настоящее».

(2): «Ибо такова, в общем, изменчивая и неблагодарная природа человеческой слабости, которая полагает «полное изменение, как более сладкое», как в пословице...».

(3): «... которое заставляет меня больше не удивляться, хотя это и странно, той стае перепелов, которых божественные языки пророков почитают как чудо, что «лилось подстреленными птицами как песок морей»».

(4): «Это – «неожиданное приглашение к столу или на щедрый пир», если уместно процитировать «теологический» пассаж...».

Обычно Мавропод прибегает к практически дословному цитированию своих источников, но чаще всего можно наблюдать, как он помещает цитаты, видоизменяя их незначительным образом, в контекст, далёкий от привычного. Рассмотрим следующее явление: послания византийских интеллектуалов XI века зачастую носят иронический характер, и эффект иронии и гротеска, таким образом, создаётся вышеописанным способом.

За примером обратимся к письму 19. Как говорилось ранее, оно посвящено теме дружбы Иоанна Мавропода с Императором, что спровоцировало всплеск зависти и негодования со стороны бывших друзей и единомышленников. Тон письма нетрудно предугадать. Отвечая на нападки своего собеседника, Мавропод активно обращается к разнообразным текстам, в основном, текстам Священного Писания и трудам Святых Отцов, таким

образом, красочно иллюстрируя, что он ни в коей мере не использует дружбу с Императором и не стремится посредством неё добиться наград и почестей.

В анализируемом письме Иоанн Мавропод в качестве аргумента в свою пользу приводит рассказ о некоем чиновнике, который, с целью заслужить право сидеть в присутствии Императора и достигнуть желаемых благ, до входа ко дворцу был доставлен «на носилках», с великолепием, ввиду своей «изнеженности и лености», но, когда же предстал перед Императором – тотчас начал «мягко вздыхать» и «нарочито хромать», шествуя с тростью. Мавропод поясняет, что не уверен, «до какой степени это было правдой», поскольку этот человек был ранен сзади, но более вероятным Иоанну кажется, что тот просто притворился больным, чтобы казаться почтенным и несчастным.

Заканчивает историю Мавропод следующим пассажем: «И я, наконец, знаю, что этот человек, «из плоти ли, не знаю» или не из плоти, я не знаю, Бог знает – так же, как и большинство людей - что он вышел из носилок с большим мешком со множеством золотых талантов и, прибыв бедным, он ушел богатым и с великим презрением ко всем остальным. О «таком человеке я буду хвастаться», если нужно хвастаться вообще, но собой я больше хвастать не буду».

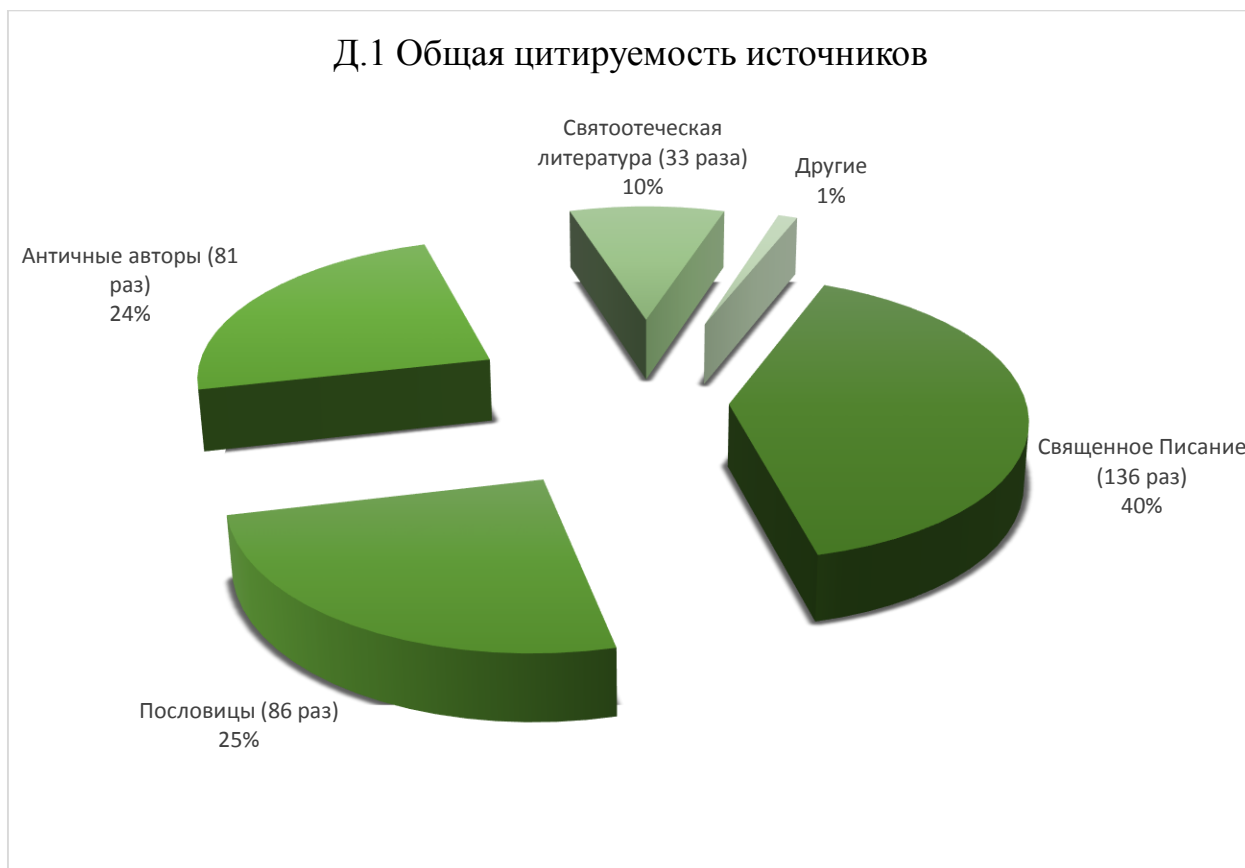
В описываемом отрывке использованы цитаты, заимствованные из посланий Апостола Павла к Коринфянам. Оригинальный контекст выглядит следующим образом:

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба». (II Cor. 12, 2)

«Таким [человеком] могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими». (II Cor. 12, 5)

Таким образом, обращённые к Богу слова из посланий Апостола Павла оказываются в письме Иоанна Мавропода в заведомо «сниженном» контексте, характеризуя простого человека, решившегося на обман ради собственной выгоды. Этот приём, который можно также охарактеризовать по своей природе и как контаминацию, придаёт анализируемому отрывку ироничное звучание и создаёт гротескный эффект.

Ещё одно интересное наблюдение было отмечено в ходе работы с цитатами. Так, составленные сравнительные таблицы показали, что в данной выборке писем чаще всего Мавроподом цитируются тексты Священного Писания и труды античных авторов. То же наблюдение касается и его эпистолярного наследия [К.] в целом. В расположенной ниже диаграмме (Д.1) указаны доли и процентное соотношение различных источников цитирования в собрании писем Иоанна Мавропода.

Чтобы подтвердить справедливость выводов о предпочтении Мавроподом тех или иных источников, была составлена особая диаграмма (Д.2). Она построена на основе более 70-ти цитат из исследуемых писем.

Глава 4. Иоанн Мавропод и Михаил Пселл. Специфика переписки

Тема взаимоотношений двух выдающихся византийцев, Иоанна Мавропода и Михаила Пселла, ранее уже была затронута в рамках биографических сведений, однако данная глава даст более полную характеристику и покажет перипетии этой дружбы на примере одного из писем Пселла Мавроподу. Известно, что эпистолография является важным источником, реконструирующим все тонкости взаимоотношений между автором и адресатами, ведь они не только показывают отношение пишущего и его собеседника, но и в какой-то степени являются для автора «объективацией отдельных черт его характера» [Любарский 2001, 236]. Таким образом, изучая связи писателя, мы также изучаем и его внутренний мир.

В школе, организованной Иоанном Мавроподом в Константинополе, возникала крепкая дружба и приятельство между соучениками и между учениками и учителями, и эти связи порой продолжались всю жизнь. С этой точки зрения интересуют нас и сохранившиеся в переписке отношения между Мавроподом и Пселлом – они развивались на протяжении жизни обоих, претерпевали взлёты и падения. Мавропод и Пселл были типичными византийскими интеллектуалами с довольно нетипичной верой и любовью к эпистолографии и философии. К тому же, оба товарища были вовлечены в публичные интриги. Пселл, конечно, вполне мог преувеличивать свою значимость в своих сочинениях, но это не отменяет того, что он присутствовал при императорском дворе от Мономаха до Воттаниата. Мавропод был ритором при Мономахе в 1047 году, но впоследствии был сослан в Евхаиту вплоть до 1075 года. Что же послужило причиной того, что их пути так сильно разошлись? Всё дело, полагается, во взглядах на участие в общественной жизни. Там, где Пселл полагал, что истинный философ должен претворять свои идеи в жизнь, Мавропод предпочитал оставаться в

стороне, и тут мы вновь обращаемся к его кредо, *λάθε βιώσας*, что значило «жить незаметно». По натуре привыкший созерцать, Мавропод считал, что войти в политическую среду означало пойти на компромисс со своими идеалами. Пселл же, должно быть, счёл это предательством платонизма: кем Платон был для сицилийского тирана Дионисия, тем Пселл и его друзья могли бы быть для Мономаха и остальных [Jeffreys, Lauxtermann 2017].

Тем не менее, Мавропод и Пселл всегда поддерживали друг друга. В письмах Мавропода мы увидели частое использование распространённого мотива друг – второе «я» - переживание Мавроподом успехов Пселла, как своих собственных. Заметно и явное отличие тона писем Пселлу от остальных: Мавропод, в данном случае, более «открыт», более эмоционален и выходит за рамки каноничного написания письма, использует цитаты, которые поймёт в высшей степени образованный Пселл. Интенсивная переписка между ними началась после 1043 года [Любарский 2001, 241], когда Мавропода приблизили ко двору по рекомендации Пселла.

Рассмотрим письмо Пселла под номером 33 [Kurtz, Drexl 1941], которое считается ответом на письмо 33 Мавропода [К., 227]. Исходя из того, какими строками Пселл начинает своё послание, можно утверждать, что адресат неоднократно упрекал его в том, что он немногословен и редко пишет письма.

«Следовало бы не оценивать письмо тем, что сказано, а мириться с тем, каковое оно есть. Поскольку же «хорошее тяжело», а я добавлю к пословице, что и «редко», и даже краткость твоего языка для нас достаточна, и даже через большие промежутки времени и не регулярно, а неопределённо. Так вот и я раскрываю уста в общении с тобой, развязываю язык, как будто на тебе завязанный, не для того, чтобы испускать целые потоки слов, но для того, чтобы всего лишь умеренно отвечать твоей великой трубе. Ибо я испытал помимо твоего молчания кое-что достойное рассказа и удивления. Ещё раньше письма для меня были как лопаты, рассекающие мои жилы, и во

мне каким-то образом выкапывались отверстия. Когда же ты копать перестал, то отверстия слов сомкнулись во мне настолько, что и трещины зарубцевались. Затем же, если меня кто-то разрежет, вскопает, я остаюсь такой же природы и совершенно окаменелый», - Пселл, таким образом, выражает нежелание говорить без участия собеседника («развязываю язык, как будто на тебе завязанный»), и сообщает, что за то время, когда адресат и сам не писал ему, закрылись отверстия, через которые выходили слова, и теперь он пишет потому, что Мавропод требует от него писем, тем самым вновь вскапывая в Пселле те отверстия. Далее он отходит от норм эпистолярного жанра и начинает вести философскую беседу: «Найдя же нечто посредством философии, я таким образом истолковываю это чувство: что ум, от которого исходят помыслы, если он существует сам по себе и не смешан никак с телом, - ничем не запечатан; если же он связан с телом, то, если его вскапывают, он являет некие помыслы, а если же его не очищают, он остаётся внутри того, чем он облачён, пусть даже весьма значительной силой сотрясёт его оболочку, он находится в спящем состоянии и много влаги не источает. Ты же боялся, что некие потоки и реки сразу же на тебя обрушатся и остальное, что относится к твоему подозрению в отношении нас. Когда-то давно душа источала хариты, и делали это учёность и образованность, теперь же я ничего не рождаю, поскольку не происходит зачатия слов», - следует обратить особое внимание на последнее предложение. Оно послужило одной из причин, по которым это письмо было соотнесено с соответствующим письмом Мавропода ер. 33 в качестве ответа на него. Мавропод писал Пселлу, используя следующую метафору: «На самом деле плата, рождаемая в течение такого длительного времени, должна была прирасти во время многолетней беременности, и воспроизвести всё великое», на что, по всей видимости, Пселл и ответил, - «И это зачатие и незачатие, а также плодовитость и бесплодие – не всегда зависит от природы, но, бывает, что зависит от времени. И наш ум наслаждается так же, как в течение времени, равно как теперь некие ненастья в делах обледенили мою

природу», - здесь Пселл имеет в виду, что от жизненных событий и их влияния на автора зависит бесплодие ума или же его плодовитость, - «Но что я хотел сказать прежде всего – почему ты постоянно меняешь намерения, и то, как обычно, истекаешь обильно, то сдерживаешь язык безо всякого предлога? Ибо мы не меняемся под действием судьбы и обстоятельств и не определяем слова, и не измеряем дружбу тем, чем это обычно измеряют многие», - имеется в виду, что дружба и, соответственно, слова и речи у многих измеряются судьбой, обстоятельствами, а у наших собеседников – нет, - «Но пусть слово наше будет твёрдым, а то пусть обтекает нас снаружи, как мы друг с другом и условились, и несчастья нам надобно переносить, какими бы они ни были, хотя они и терзают нас, но очищают душу от тела. Поскольку я слышал у некоего философа, который рассуждал о смерти, что душа не сразу устремляется в небо, но продвигается туда в размеренном движении. Таким же образом и огонь этот истребил изменчивую природу тела у твоего брата и обуглил всю его душу», - отсюда и далее в письме Пселла начинается утешительная речь на смерть брата Мавропода, предположительно, отца его племянника, о котором говорилось ранее в биографии, - «Я убедился, действительно, что умащать изнеможённые тела – это нечто избыточное, и это я получил от философии, что наши тела причастны не только земным частям, но и самым вершинам. Те же, в которых обитает умственный огонь – у них земное выжжено, а остаётся эфирное и благоухающее божественными благовониями. И пусть даже сущность не благоухает сама по себе, но душа, пребывающая с телом, восприняв истечение божественного мира от Бога, уделяет его сродному ей телу. Тело же, исполнившись благоухания, и после выхода души остаётся исполненным этого качества», - поэтому, говорит Пселл, и нет необходимости умащать мёртвые тела, ведь они и так благоухают посредством божественного начала души. Далее следует некая посмертная похвала брату Мавропода, к тому же, Михаил Пселл обращается здесь к физиогномике, рассуждая о характере по внешним чертам, - «Я не знал

многие из скрытых черт брата, но судя по явным чертам догадывался о незримом. Он обладал душой, танцующей в теле, словно свободной и нескованной. Ибо неопишуемые красоты его нрава определяли черты его души. Ибо никогда в нём не было ни коварства, ни скрытности, и помыслы никогда не бушевали, скрывааемые движением бровей, но линия всегда была прямой», - таким образом, он не лицемерил и был довольно прямодушным человеком, - «и его характеризовала врожденная доброта и словно безыскусная красота души. Чтобы достичь вершин святости, ему необходимы были некоторые испытания, которым он противоборствовал мужественно. И тем, что, по крайней мере, он совершил этот подвиг, он сделал свою добродетель для нас явной. Я тебе завидую и в отношении других каких-то вещей, но в основном в отношении родственного этого потока и благоухания, которое присуще вам одинаково. Ибо я знаю, что твоё тело из тех же рудников и из той же серебряной руды, которую не точит червь и которой не касается тление. Но и я имею кое-что от него через тебя, и моё рассуждение ясно».

Дружеское письмо [Черноглазов 2015], таким образом, поначалу является укоряющим, но в нём присутствуют как наставительные элементы, так и элементы порицания. Когда Пселл переходит от обращения к философии к обсуждению смерти некоего брата Мавропода, оно принимает утешительный характер и в итоге становится похвальным, ведь Михаил Пселл характеризует «природу» Иоанна и его брата как исполненную «благоухания божественного мира».

На примере данного ответа Пселла видно, что оба автора в посланиях друг к другу заметно отступают от канонов, выходя за рамки и развивая уже имеющиеся мотивы. Над Мавроподом, по большей части, властвуют эмоции, Пселл же часто прибегает к философским размышлениям.

Заключение

Эпистолярное наследие Иоанна Мавропода интересует исследователей как исторический источник и литературное произведение. Его изучение – это важная цель для византинистов, занимающихся памятниками XI века – эпохи предгуманизма, которая вывела византийскую литературу на новый качественный уровень и постулировала уже не только подражание античным авторам и текстам, но и развитие индивидуальности.

В настоящей дипломной работе мы попытались провести комплексный филологический анализ на основе перевода шестнадцати писем Иоанна Мавропода. Были рассмотрены используемые автором источники, из которых заимствовались цитаты, и предложены соответствующие сравнительные таблицы и диаграммы, которые в дальнейшем позволят дать более подробную характеристику эпистолярному стилю Иоанна Мавропода.

Так, первое место по цитируемости в исследованных письмах заняли тексты Священного Писания (28 рассмотренных цитат, 38%), затем классические источники (23 цитаты, 31%), пословицы (19 цитат, 26%) и тексты Отцов Церкви (4 цитаты, 5%).

Также письма Мавропода были рассмотрены с точки зрения языка, а именно наличия использованных для сознательной архаизации текста перфектных и плюсквамперфектных форм, обозначающих завершённые действия в прошедшем времени, то есть выполняющих сходные функции более привычного для того периода аориста. Их оказалось немного (22 формы на 16 писем), но, тем не менее, мы считаем это проявлением высокого стиля.

Таким образом, опираясь на проведённое исследование и уже имеющиеся работы на заданную тему, был сделан следующий вывод: Мавропод, как нам представляется, пишет на грани высокого и среднего

стилей литературы. Для первого характерно обилие вышеуказанных форм, преобладание цитирования классических текстов над текстами Священного Писания, наличие сложных синтаксических конструкций. Стиль Мавропода отличается от высокого стиля немногим, ведь работа продемонстрировала и присутствие нестандартных форм глагола, и практически равное соотношение таких источников цитирования, как античные тексты и Священное Писание. Однако нельзя не согласиться и с тем, что Мавропод изъясняется аскетично, а общий тон его посланий создаёт впечатление, что Мавропод пытается быть более сдержанным: не использует чрезмерно сложного языка и избегает стилистических излишеств.

Были выявлены и другие характерные особенности цитирования, такие как использование абстрактно – маркированных и немаркированных цитат. Мавропод чаще прибегал к немаркированным цитатам, что объяснялось литературной игрой между собеседниками: образованный адресат должен был самостоятельно разгадать, какая цитата перед ним, и какую функцию она выполняет в контексте письма. В этой связи был продемонстрирован и подробно описан один из методов, к которым обращается Мавропод – создание гротескного эффекта.

В рамках характеристики взаимоотношений Иоанна Мавропода с его учеником и близким другом Михаилом Пселлом было переведено и прокомментировано одно из посланий последнего, письмо 33. На основе того, что оно было ответом на соответствующее письмо Мавропода (также письмо 33), был описан биографический подтекст, охарактеризованы мотивы, к которым обратился Пселл, и некоторые особенности взаимоотношений двух византийцев, такие как их духовная близость, отражающаяся в переписке, и авторская индивидуальность, проявляющаяся в том, как ими развиваются и распространяются этикетные формулы и использование цитат и метафор.

Приложение

Часть 1. Письма Иоанна Мавропода Михаилу Пселлу

Письмо 1

Я считал, что на дворе уже не весна, а осень. Откуда же тогда прибыл этот весенний соловей? Ведь он не поёт откуда-то из роши или издалека из чащи леса, и наиболее чудесно то, что он прилетел к нам прямо в руки, и, будучи у нас в руках, поет весенние песни и услаждает наш слух благозвучием своей музыки. Эта птица во всех отношениях самая прекрасная, и, если допустить немного словесной игры, – голосом соловей, а формой ласточка. С одной стороны, соловей, поскольку он поет звучно и сладостно, а ласточка же, поскольку она чудесным образом смешана в отношении наружности и соединяет в себе два контрастирующих цвета, поскольку черный цвет написанного выделяется на белизне хартий, словно вышивки роскошной порфиры на светлой и прозрачной ткани. Чем бы ни было удивительное письмо, соловьем или ласточкой, оно наполнило нам душу восхищением, и убедило нас считать это время второй весной и поверить тем, кто таким образом называет это равноденствие. Наверное, оно показалось бы и первой весной, если бы мы не обнаружили противоречащей завистливую пословицу, что одной ласточке не сделать весну. И если вслед за ней прилетит ещё одна, то уж точно это время года одержало бы победу и получило бы право называться первой весной, которую многие называют первым временем года. Но поскольку, как говорят повсюду, «хорошего понемножку»¹, то и теперешним благом, пусть даже оно и одно, по необходимости следует довольствоваться, а также и потому, что это благо является наиболее прекрасным, поскольку объемлет в себе все, что ни есть прекрасное. Ведь эта мудрая и очень дорогая нам птица поет не по своему обычаю, но говорит членораздельно и соединив в себе всё, что ни есть

¹ СРГ I 172, 462; II 89, 717

очаровательное: и все чары песни сирен, и чары флейты, и все звуки гармонии. И, словно подготовившись к мусическому состязанию и выступлению, превосходно поёт, ясно и величественно, и всех нас обращает в слух.

Настолько велика радость и восхищение, с которым мы слушаем эту мелодию, и удовольствие, которое мы получаем от владения и распространения всюду этого прекрасного и сладкозвучного инструмента гармонии. Мы молимся, чтобы творца и создателя этого самого письма можно было видеть глазами, и услышать собственными ушами его речь, так, чтобы мы могли познать ещё яснее различие между источником и потоком, или между письмом и голосом, который говорит прямо, без преграды или препятствия.

Письмо 9

Опоздав и задержавшись немного более чем ожидалось, но, тем не менее, письмоносец, посланный к тебе, возвратился к тому, кто его послал. Мы многократно благодарим тебя за возвращение этого человека каждый раз, когда ты это делаешь. Ибо он удивительным образом восполнил нам недостаток, вызванный промедлением, достижениями его отсутствия, ясные доказательства которых он представил многими способами: показывая руки, полные писем с большим количеством букв и строк; язык, также полный ими, и уста, источающие множество рассказов, большая часть которых была встречена славословиями и множеством энкомиев, которые щедро и вечно истекали в адрес правителя и архонта нашего Отечества.

Пока мы говорили, наше же слово нам вспомнилось. Действительно, хорошо, что нам вспомнилась беседа, когда мы начали говорить. И опустив многое сейчас, касающиеся тебя, мы разделяем с тобой радость по поводу новой службы и увеличению той территории, которой ты управляешь. Тебя следует теперь называть властителем не только пафлагонцев, но отныне — мариандийцев.

Мы не говорим уже и о том, что и пафлагонцев не менее, потому что, с одной стороны, у обоих народов одно и то же название, а с другой, мы, истинные пафлагонцы, присвоили себе мариандийцев, равно как и тех. Но продвигайся к еще большим и более прекрасным достижениям, всегда считая настоящее вступлением для будущего, славным образом проходя от нашей земли к другой нашей – ибо, как говорят, «из дома домой»², - ты, человек Бога и наш, так, чтобы наша собственная медлительность, или скорее наша полная неподвижность, может каким-то образом, кажется, смешаться с легкостью твоего славного продвижения, и чтобы наша неподвижность, в этом случае, могла принять участие в связанной с этим славе и в радости. Пусть Господь щедро одаряет твою честь и пусть уделяет славы тебе всё больше и больше. Наконец, пусть введёт Он тебя в свою блаженную обитель как раба верного и благого, засвидетельствовав и провозгласив тебя таковым.

Письмо 23

Теперь меня окружил священный сонм божественной философии, о, премудрая глава и что является главным для философов. С ними мы беседовали по – дружески, но в большей степени на научные темы, и в конце разошлись, восхищённые друг другом. Чем же они восхитились в нас, не знаем (сами мы не ощущаем в себе ничего, достойного похвалы), но мы же, в свою очередь, восхитились ими во многом: благородной природой, интеллектом, пронизательностью, благопристойностью, любознательностью и многознанию, безумной любовью к восприятию наук (ведь так вы и сами называете неудержимость и пламенность рвения), и, прежде всего, их взаимопониманию и стремление к тому, что хорошо или совершенно.

Что могло быть лучше, чем повышение в чине и избрание нашего благоразумного Константина вершин премудрости и занятие им учительского престола? Ты теперь «витаешь в величественных высотах

² Pind. Olymp. 6,99; 7,4

мудрости»³, как говорит Эмпедокл, и «ты приносишь мне радость в фазе полного цветения песни»⁴, говоря на этот раз словами Пиндара, и нынешнему поколению людей ты кажешься образом Гермеса – покровителя наук, как живая обитель муз, движущаяся и говорящая, этому поколению современных людей, за которым «конец времен последует»⁵, с таковой засухой знаний и обучения. Вследствие этого, я особенно восхитился и значительно похвалил этих молодых людей и обещал им со рвением, равным их, мою помощь в их занятиях, поскольку это имеет отношение к императорской власти и к молодежи, которая увлечена науками и обучением.

И твоей душе мне дорогой и любезной я предлагаю всё, что имею, и приношу в твою поддержку прежде всего самого себя, согласно твоим словам; и я постараюсь, с помощью судьбы, никому не уступить в усердии ради твоей премудрости и дружбы, не уступить ни всем тем, кто тебя любит и просто тебя жаждет, ни кому-либо другому среди имеющих дело до твоих занятий, а скорее же до этой божественной науки, которая сейчас подвергается опасности исчезнуть из наших жизней.

И тогда, возобладав надо всем, – или, если сказать по-твоему, согласуя все струны лиры, – возмись за дело более деятельно и придерживайся этого с усердием и храбростью под руководством Бога, который должен поведёт тебя к благому исходу.

Письмо 33

Посмотри, какой малой капли слова моему текущему в золоте другу стало жаль для меня из-за своей несчастной лени. Он бы, наверное, не утомился, захлёстывая других целыми морями, а для меня же остался на столько времени сухим, на сколько, как мы слышим, египетский Нил

³ Emp. 4, 8

⁴ Pind. Olymp. 1, 14-15

⁵ 1Кор.10,11

совершает свой прилив. И через столько времени вот таким образом, к таким людям. Я буду снова и снова повторять этот упрёк и порицание, но прежде, ты знаешь это, чем я дойду до кулачного боя, я могу погрозить тебе чем-то обычным. Таким образом, возможно, я узнаю, присуще ли твоей доброй душе и сердце.

Сейчас же речь была послана тебе, как ты потребовал, которая наш язык лишает достоинства, но подражает твоему велеречивому языку, который имеет обычай говорить много неправды, восхваляя как других, так и нас в не меньшей степени, похвалами, превышающими достоинства. Таким образом, эта речь была составлена с той целью, чтобы и она могла стать частью твоих речей в нашу защиту. Но, будучи очень умеренной в этом отношении, речь должна быть справедливо оправдана в любой клевете.

На самом деле плата, рождаемая в течение такого длительного времени, должна была прирасти во время многолетней беременности, и воспроизвести всё великое. Но так как мы боимся за мать, чтобы у неё, такой слабой, не случился выкидыш, мы откладываем великий ответ на более подходящее время, а невеликое рожаем по причине жалости к роженице; должно дать себе отдых из беспокойства о том, кто находится в родовых муках. Но если мать достаточно здорова, чтобы родить и кормить новорожденных, почему же ты не произведешь на свет что-то большое, возбудив в беременной обе способности: лелеять надежду и давать жизнь? Этого уже очень много, но ещё больше я должен добавить благодарности. Что это за благодарность? Пусть Добрый и Щедрый всё больше и больше исполняет тебя великого блага.

Письмо 51

Но теперь о противоположном. Это не лидиец отправился обрести заботы, а скорее заботы сами за ним гонятся и бросили лидийца в неизбежные опасности, которые мучают его. Что еще хуже, поистине Вами

этот несчастный друг был предан и продан. И чтобы больше растревожить рану, Вы совсем не заботитесь о друге даже после того, как предали его – в самом деле, тот, что был предан и продан Вами, теперь и вовсе забыт, поскольку Вы не обеспечили ему лучший образ жизни и не постарались о его благоденствии и благополучии, как обещали, а скорее бросили его так далеко, как будто он был бременем, с таким подходящим оправданием, так, чтобы Вы одновременно могли легче избавиться от него – чем он Вас так огорчал, я не знаю – и чтобы показалось, будто Вы творите несправедливость, но наоборот, делаете нечто доброе. Ибо такова высшая степень Вашей мудрости, тех, кто является премудрыми: чтобы, сделав нечто дурное, устраивать это так, дабы оно таковым не считалось. И теперь на опыте мы это поняли, хотя прежде были не умудрены таковым и поэтому были доверчивы.

Трудный опыт, по крайней мере, научил нас как того гомеровского ребёнка. То, чему мы научились - это то, что мы были преданы, и что, как гласит поговорка, у того, кто далеко, и друзья пропадают. Настолько забыли они о нас, насколько бы забыли о мёртвом. Но тот, кто уехал от друзей далеко, пребывает с ними посредством памяти; через уши и взор души он приятно наслаждается голосами и лицами своих друзей, и он не забывает упоминать их или представлять в своих речах, восхваляя их достоинства в полной мере. Этому есть многие свидетели, и вместе с ними эти то, что прибыло в твои руки, к тебе – поистине образу Гермеса – почитая тебя, как видишь, двоякими дарами Гермесу. С одной стороны, почитая тебя как учёного словесным и учёным даром, с другой, как человека корыстного (в самом деле, извини мне это), «наилучшим даром для смертных»⁶, согласно мудрецам, как Вы, который, «как чувственный огонь согреет холодность»⁷, говоря, как Пиндар, и который должен заставить нашу дружбу

⁶ Greg. Nyss. 14, PG 46, 1049-1052

⁷ Pind. Olymp. 1, 1

прозреть, потому что она, как показалось, иначе ослепла бы, поскольку её недуг заключается в забвении, а не в благожелательности.

Таким образом, пусть кошель возьмёт себе своё, а словесный нрав возьмёт и себе, и затем, если велишь, прибавляй и собирай, одалживая что-то из того, что мы считаем истиной, позволь дружбе требовать друга.

Воровское ремесло же пусть уходит, как и искусство спора, эти прекрасные способности Гермеса, ибо они ничего общего теперь не имеют с науками и с нами.

Докажи еще раз делами, что в достойном Константине мы имеем истинного друга, преданного, самого доброжелательного, мудрого в делах не менее, чем в словах, чьи высокие качества и любовь превышают каждую меру. Пусть я встречусь с ним прежде остальных, а скорее в более благоприятное время, поскольку всякое наше время полно забот и неприятностей. Действительно, я буду так дальше говорить, чтобы устыдить и убедить, и побудить виновных к большей помощи. Будь для нас ничем иным, чем таковым, каким тебя знали прежде, а более всего исполненным божественной заботы и промысла.

Письмо 59

Мудрые, божественные и исполненные блага слова утешения, которые ты написал нам в своем письме, производя старое и новое из славного сокровища и используя всякое средство для нашего успокоения и утешения, восстановили нас в достаточной мере, поскольку мы почти ослабели перед пришествием дурного. Взамен этого, пусть Он, кто пребывает и живет в тебе и идет с тобой, как мы верим, из-за всепоглощающей твоей чистоты и широты твоей души, утешит тебя. Я очень благодарен тебе, среди прочего, за твою любовь, на которой покоится закон, и которую теперь найдешь лишь только у очень немногих, в то время как зло существует в большом

количестве. Но ты сохраняешь эту любовь в себе и, в самом деле, сохраняй ее, просим тебя, поскольку любовь действительно хороша и достойна избытка и сокровищ твоей благородной души.

Теперь снова было послано письмо нашему общему Господину; пожалуйста, для меня, прими его и направь правильно, как то, посланное ранее, и в отношении любого появившегося вопроса, который доверили моему посланнику, позволь же ему пользоваться твоей полной поддержкой, так, чтобы он мог возратить нам свидетеля твоей доброй воли и доброго расположения к нам. Наконец, услышь остальных - пусть Бог заботливый действительно тебя любит, и пусть он предоставит тебе свою благодать как верному другу и благому рабу.

Письмо 60

Ты же прервал нас для того, чтобы вести подробный разговор, точно так, как в прошлом жители Фив остановили Лакедемонян, которые были кратки в речах. Теперь у нас больше нет ни того досуга, чтобы говорить подробно, ни некоего времени, чтобы ясно составлять длинные речи тебе, мудрому и словолюбивому; поскольку есть другое, что обременяет нас отныне, когда в этом месте слезная война творится решительно, и нам должно противостоять этому любой ценой, оставляя вовсе всевозможный наш досуг. В прошлом же остаются те споры, беседы и счастливая жизнь, которой мы теперь лишены; кажется, что они были мечтой и ничем больше. Но теперь другой образ жизни, трудный, о, наши ученики и друзья, «другой способ проживания»⁸, как было сказано, во всем печальном, неприятном и более не терпимом для тех, кто это испытал. Но в эти времена нужды мы ничего не получили ни от друзей, ни, что было более оскорбительно, от нашего очень дорогого и особенно любимого друга. Он живет в благости и

⁸ СРГ I 7; II 142

может продолжать таковым образом, и для себя он отказывает своему счастью, по словам мудрого трагического поэта, и не страдает, чтобы разделить страдания своего друга, и при этом он не протягивает ему руку помощи в бедствии. Но какая рука и какого вида, и каков знак помощи, прибывающей от нас? Пусть он процветает, наш изумительный и самый дорогой из друзей, кто является особенным для нас теперь, как и в прошлом, украшением писем, храмом мудрости, который из любви и усердного труда. Пусть же мы слышим всегда такие новости о нем, с тем, чтобы таким образом, чувствовать себя лучше, представляя и делая своим собственным процветание нашего друга, так же, как он не делает своей собственной нашу неудачу.

Письмо 70

Великодушие божественной благодати - явная причина того, что у нас теперь есть наш прежний мудрый друг и ангел-хранитель, и таким образом мы можем теперь гордиться таковыми в высшей степени замечательными качествами, как уже ставшими и нашими собственными, если действительно «у друзей всё общее»⁹, или же если что принадлежит одному, принадлежит и другому. Поэтому пусть это двойственное украшение остается навсегда с тобой, поскольку это и красноречиво, и выгодно нам, кто обогащен таковым; и пусть мы слышим и видим друга, который приятен всем и особенно нам, которые чрезвычайно любят его, поскольку чувствуют, кажется, лучше, чем кто-либо другой, его превосходство.

Пусть мы, кто любит его и разделяет, таким образом, его достоинство, не лишается его или завистью, или некоторыми другими средствами. Одним словом, позволь ему достигнуть блага телом (ибо его душа уже безучастна, будучи преобразованной духом), и пусть он будет вечно исполнен счастьем и людским, и божественным, во все многие времена.

⁹ СРГ I 106, 266; II 76, 481

Часть 2. Другие адресаты Иоанна Мавропода

Письмо 6

«Речь, более сладкую, чем мед, произносишь»¹⁰ ты, превосходный, и из твоих рук, не знаю, каким образом, стая птиц прибывает, летя к нам, как будто из плодородного и богатого гнезда. Это «неожиданное приглашение к столу или на щедрый пир»¹¹, если уместно процитировать богословские строки, которое вынуждает нас больше не удивляться, хотя это и странно, той стае перепелов, которых божественные языки пророков почитают как чудо, что «лилось подстреленными птицами как песок морей»¹².

В самом деле, твой подарок делает даже эту историю правдоподобной, отклоняя из-за ее сходства с чудом большую часть ее неправдоподобия. Поэтому, если хочешь, жалею о перемещении оттуда, где ты был. Поскольку с тем, что ты делаешь, и скорее через то, что ты испытываешь, ты подтверждаешь пословицу, которая гласит: «прошлый год всегда лучше», таким образом, определяя прошлое как лучшее, чем настоящее. Ибо такова изменчивая и неблагодарная природа человеческой слабости, которая полагает «полное изменение, как более сладкое», как в пословице, но, когда же она достигает перемены, которой желала вначале, следует как желанию, так и значению упомянутой пословицы, и не меньше ищет снова изменения настоящего, поскольку ее желание преобразований бесконечно.

Но как было сказано, если ты думаешь так, то сожалей о своем переезде из Пафлагонии в Вукелларион. Однако мы полагаем, что разочарованию такому, как твоё, не должно быть места, потому что в отсутствии у тебя бед и бедности, как ты это называешь, мы же получаем

¹⁰ Hom. II, 1, 249

¹¹ Greg. Naz. Orat. XLIII PG 36,501D

¹² Пс.77,27

удовольствие не бедным, а скорее богатым способом, удовлетворяя свои желания роскошно во многих и щедрых подарках, полученных оттуда. Итак, даже в этом отношении ты можешь казаться более выдающимся, чем в действительности, говоря, что ты беден, и все же делая других богатыми и уподобляясь сам великому примеру, действительно, ты знаешь, Того, который стал бедным так, чтобы Его бедностью мы могли стать богатыми. Но мы предпочли бы молиться о другом, что было сказано и обращено к нам, что от его обилия мы все получили, и конечно не от его бедности, как ты теперь принуждаешь меня усомниться. Мы пророчим тебе, являясь такими же превосходными провидцами, словно мудрая гадалка, и обещаем тебе это, и, возможно, Господь говорит нами: не будь обеспокоен твоими первыми переживаниями по службе, будущее должно дать тебе хорошие надежды, потому что, как ты читал, «ни нрав человека», ни природа и достоинство страны не оцениваются сразу, а только в течение длительного периода времени и в единстве. Так или иначе, не займёт много времени, я знаю это хорошо, убедить тебя воспринимать свое существующее «пустое счастье», как ты называешь его, новым счастьем, после того, как найдешь там города и семьи, живущие в достатке и процветающие.

Что касается Клавдиополя – не упрекай его за бедность, он является наполовину высохшим и полумертвым из-за полуслеплого его пастуха, как ты сам пишешь или в шутку, или всерьёз. Полагаем, что несчастный город должен прекратить полностью дышать, как только второй глаз деспота ослепнет, или от старости, или руками других, которые искусны в лечении болезни глаз, как те первые удивительные руки. Всегда впредь блистай и показывай такие дела, ты, ясное и лучезарное око нашего государства, и, если это возможно, немного сдержи свою щедрую и обогащающую руку, так, чтобы ты не достиг одной из этих двух вещей: или ты преуспеваешь, и причиняешь горе, или - я прекращаю беседовать, чтобы избежать богохульства.

Письмо 19

Что ты говоришь, добрый человек? Действительно ли мы любители властвовать? Действительно ли те, кто любит почести? Действительно ли мы, будучи друзьями и советниками Императора, вследствие этого стали необщительными и недоступным для скромных людей? Молчи, отец, молчи, и прежде всего не приписывай нам качеств, которые более справедливо относятся к другим.

В самом деле, мы не понимаем всех причин этих почтительных заявлений человека, позволь тебе напомнить, если ты забыл, о, превосходный, который в прошлом году посещал дворец с великолепием, несомый до входа на носилках (такой была изнеженность и леность), с достоинством шествуя с тростью, пока он не предстал перед взором Императора, нарочито хромя и мягко вздыхая. До некоторой степени это было правдой, потому что он был ранен сзади, но по большей части, думаем, было придумано так, чтобы он мог казаться более почтенным (колеблемся сказать, несчастным), и вследствие этого рассчитывал заслужить право сидеть в присутствии Императора. И мы, наконец, знаем, что этот человек, «из плоти ли, не знаю»¹³ или не из плоти, я не знаю, Бог знает – так же, как и большинство людей - что он вышел из носилок с большим мешком со множеством золотых талантов и, прибыв бедным, он ушел богатым и с великим презрением ко всем остальным. О «таком человеке я буду хвастаться»¹⁴, если нужно хвастаться вообще, но собой я больше хвастать не буду. И хотя нам много раз была оказана честь сидеть во дворце, мы не должны лгать об этом другу и святому человеку, все же, оказанный нам прием не имеет значения. Мы дали отдых ногам, но о своих руках не озаботились, потому что обычно отсылались с пустыми руками, и потому что не были, как он, настолько умными или удачливыми. Но что ты скрываешь,

¹³ 2Кор.12,2

¹⁴ 2Кор.12,5

когда смеёшься? Если наша догадка верна, мы предполагаем, что как мудрый и проницательный человек, ты узнал, вероятно, и представление, и актера. Позволь тогда твоему объекту оскорбления быть им, так как ты раз и навсегда принял решение упрекать человечество, будучи настроенным высмеивать тех, кто очень озабочен славой. Но ты должен нападать на нас более точно, нацелившись скорее на другие мои ошибки и упрекнув эти недостатки.

Действительно, ты знаешь хорошо, что должен найти недостатки в нас, так же, как ты нашел бы древесину на судне или камень, в случае, если бы ты поднимался по каменной лестнице - можно привести много общеизвестных примеров из твоего собственного опыта. Поэтому, выбери другую нашу ошибку, чтобы упрекнуть, если тебе нравится, но воздержись, о, благословенный, от нападения и обвинения такого рода. Поскольку ты сам человек с такими же страстями, как наши, и никто из людей, или только самый редкий человек, полностью не презирал славу. И так как мы выбили клин клином, ответив упреком на упрек, впредь мир с тобой и прощай.

Письмо 20

Ты непрерывно ведешь войну против нас и затаил злобу, о несчастный человек, в то же время обвиняя нас в праздности, называя наше молчание медлительностью, наш созерцательный образ жизни - человеконенавистническим и свободу от беспокойства - тщеславием, не делая ничего иного, но просто переворачивая все с ног на голову. Теперь же, как будто головы стали хвостами, и кости упали другой стороной, ты упрекаешь нас и насмехаешься над нами. Теперь о результате твоей отважности: как если бы ты забыл себя самого, ты стал новым обвинителем с новыми обвинениями против нас, действительно, как если бы ты забыл те старые упреки, которые много раз ты предъявлял нам. Но ты изменил их до

такой степени, что в этом случае ты просто переворачиваешь все вверх ногами, называя наше общение со многими людьми жадной власти; людское признание – жадной внимания; благосклонность - тщеславием; а любовь к ораторскому искусству и отзывчивость - попыткой понравиться людям. Одним словом, о человек, кажется, тебе ничего не нравится в нас, и ты только и ждешь действия, чтобы напасть на нас и бороться каждый раз, когда представится возможность.

Но ты, о превосходный, больше не можешь продолжать действовать так, не отрицая при этом все свои предыдущие хорошие и мудрые советы, и не оказываясь при этом оленем вместо девы. Но если ты, действительно, все еще расположен к нам, и если ты внезапно не изменился, вернись к своим собственным философским принципам, которые ты много раз преподавал нам, и признай – что посеешь, то и пожнешь. В любом случае, ты должен выбрать одно из двух: или, осуждая нас, ты сначала осудишь себя, поскольку ты не научил, как следует, или что на тебе нет вины, таким образом, снимая ее с нас, потому что хорошие учителя, как бы ты не желал обратного, дают хорошие уроки, а значит и ученик достоин своего учителя; признай же свою благодарность нам, придерживая упрёки, потому что мы отдали тебе долг, предоставив твои учения внимательным ушам.

Поэтому отбрось иронию, учитель, и не сильно смейся, если картина, которую мы нарисовали - неправильная, но вот, что мы скажем: будь доволен теперь тем, что мы делаем, и радуйся виду твоих семян, уже умноженных тридцать раз; и если ты пришлешь свои хорошие пожелания, то ты получишь, возможно, в шестьдесят или даже сто крат больше в ответ. Но убери зависть из своих речей, когда мы достигаем большей власти и отличий, ибо прежде таковы были твои мудрые наставления и советы, и когда ты слышишь, что мы имеем большее и более полное влияние даже на Императора и Патриарха, ты должен быть, поэтому, терпеливым и великодушным, прося, чтобы у тебя было больше таких учеников - и

послушных, и умных. Молись также о нашем будущем добром имени, и в этом отношении мы вообще отказываемся уступать тебе, поэтому желаем получить хорошую славу в дни, которые ещё наступят. Таким образом, в своих молитвах проси нам успеха в будущем, так как ты способствовал ему своими замечаниями, и чтобы ты мог действовать во всем подходящим тебе способом. Что же касается нас, ты можешь видеть все свои наставления исполненными.

Письмо 21

Мы также обратились с просьбой к Отцу, следуя примеру Господина, и вместо себя он предоставил другого «утешителя», но он не оставил его с нами навсегда, хотя, следует признать, таковым способом твой подарок был бы более полным и благим, наш святой и справедливый второй отец, но он отнял его у нас быстро и прежде времени, потому что он призвал «утешителя» назад к себе, как будто передумал. То, что ты делаешь, вовсе не свято и не следует божественному примеру, даже если ты появляешься так, и, подозреваем, тебе нравится так появляться, но ты появляешься, окутанный густым туманом, и являя себя, возможно, только тем, кто окружает тебя (или просто более достойным); но нам, кто далеко и не достоин такого явления, только через какое-то время ты посылаешь слабый и тусклый свет, то есть эти немногие части короткого письма, приказывая, чтобы мы довольствовались только этим - твоей спиной. Ты, вероятно, говоришь себе: мое лицо не должно быть увидено Вами, недуховный и земной человек, таким образом проясняя, что мы непритязательны, и что мы – пыль и прах, и кажется, у нас нет той храбрости, чтобы пристально смотреть на божественное существо.

Но ты, о благословенный, скрытый и невидимый, стой твердо на своём пьедестале, ни нанося урон твоей славе, ни позволяя себе снизойти до

нас, поскольку мы на земле. Возможно, ты боишься, что, как только твоя чистота разделит что-то сродни нашей грязи, это сообщит нам, нечистым, часть твоей святости. И все же ты видишь, что здесь снова отличаешься от Него, кто стал человеком из любви к человечеству, и кто, не передавая греха, устранил грехи мира, связав себя с нами, простыми людьми, и которому, как образцу, ты пытаешься соответствовать и направляешь свое рвение, если только ты не открыто лжешь о вере, которая предписывает крест и Его муки.

Но, как уже было сказано, оставайся необщительным и недружелюбным к нам, если тебе так нравится, вдохновляйся своим самосозерцанием и теми, кому предоставлена такая возможность. Что касается нас, то, будучи полностью исключенным из этого сияния, прежде, чем оно коснулось нас, мы обязательно снова унизимся и рассмотрим более тщательно принцип «познай себя»¹⁵, измерив краткость и быстротечность человеческой жизни присутствием и отъездом человека, кого Вы послали и забрали так быстро; об этом рассказал и этим был прославлен один мудрец из прошлого: когда его спросили, сколько времени длится жизнь человека, он появился на некоторое время и затем исчез. Но даже при том, что тебя нельзя увидеть, сообщи, по крайней мере, что ты оберегаем божественной милостью, потому что мы все еще снисходительны, даже если нас не рассматривают снисходительно.

Более того, можешь ты достигнуть хорошего результата сам, а также достойного окружения, поскольку это подходит для тебя, благословленного хором, как кто-то когда-то сказал, быть неутомимым и беззаботным; при необходимости добавь к нему – «и бессмертным навсегда»¹⁶.

¹⁵ СРГ I, 391

¹⁶ Ном. II. 8, 539

Письмо 27

Господин Мой, ни мы, когда раздражаем тебя, ни ты, когда сердишься, не делаем или испытываем что-либо необычное. И хотя мы - люди похожие, восприимчивые к страстям, и нам обоим свойственны человеческие слабости, все же ты для нас выше простого народа, имея в виду достоинство твоего служения и уважение к твоему отличию, так же, как величие твоего духа и других твоих прекрасных качеств, тогда как мы не признали бы в себе ничего хорошего. Поскольку действительно мы не признаем в себе ничего вообще, кроме, возможно, только одной вещи, - свободы мнения, и если мы повинемся кому-нибудь, то делаем так потому, что убеждены в этом, и не потому, что были вынуждены. Это является нашим кредо практически с детства, убеждением, которое укрепилось за эти годы, и которое до сегодняшнего дня остается неизменным. Так же мы применили этот принцип даже сейчас в ответ на суждения, которые ты сделал, и кажемся твоему великолепию довольно упрямым. Не думай, что причина этого непримиримого сопротивления была вызвана чем-либо еще, однако факт, что мы не страдаем, можно легко приписать заносчивости. Наблюдая такую большую самонадеянность в человеке, который нанес урон нашему облику, мы вполне осознанно решили не сдаваться. Действуя таким способом не получишь похвалы; действительно, мы знаем, что до настоящего момента мы не были вовлечены в борьбу вообще ни с кем, но, в то же время, мы реагировали, как обычные люди. Если бы, однако, теперь или ранее, над нами возобладало бы желание вещей, принадлежащих другим, или мы бы думали о чем-то подобном, или приняли мнение тех, кто думает только о своем, тогда мы должны быть лишены своего законного имущества, как если бы были с теми, кто живет свободными от мирских забот, ничего не имея; и просить хлеба насущного у чьей - либо двери, как странник и слуга. Но почему должны мы теперь настойчиво поддерживать и утверждать факты, которым вся наша жизнь является свидетелем? Это не всё наше мнение, но

мы вступили в спор с ним по причинам, которые уже разъяснили. Но гнев на тебя, возможно, не был оправдан или беспричинен, не потому что мы не заботились о своих собственных границах или важности твоего достоинства и о превосходстве твоего высокого положения (никогда бы мы не были настолько неразумны) – но, возможно, было бы лучше не поддерживать это мнение слишком сильно, так как, в противном случае, пострадало бы твое достоинство.

С самого начала мы были приучены восхищаться благородством твоего характера. Зная тебя всегда как превосходного и умеренного в отношении человека, когда внезапно ты яростно напал на нас и указал нам, что был архонтом, и предъявил доказательство твоей власти, мы подумали тогда, что лицезрели кого-то еще, а не того, кого знали, и, ошибаясь, возможно, в своем уважении, мы упустили сделать правильную вещь. Это было причиной, если ты спрашиваешь, нашей мелочности, в то время, как ты можешь назвать это. Но мы думаем, что должны назвать это результатом рвения и горячей дружбы к тебе. Потому что тем, кто любит очень сильно, самой природой предписано чувствовать сильную душевную боль, когда они испытывают от тех, кого любят, презрение, которого они не ожидали. Пожалуйста, пусть будет достаточно того, что в извинение нашего поступка было высказано много истинного, даже если тебе нелегко принять другое объяснение, посчитав его, возможно, слишком сложным.

Но вопреки факту, что ты перенес это нежелательное происшествие, прости мне мою слабость и даруй мне твое помилование - великодушно, благородно и достойно твоей благосклонности, изумительной в каждом проявлении, так, чтобы ты также мог быть прощен Им, тем, кто дарует прощение, и снова подтвердишь твою любовь тем, кто не является знакомым тебе. Поскольку они не знакомцы, те, кто до сих пор был любим тобою, и всегда рассматривали тебя с большой и истинной привязанностью. Только истинный свидетель на небесах знает это, Он, кто

управляет разумом и заглядывает в души. Ради него забудь мой проступок, даже если я подвел тебя чем либо, и признай снова твоих собственных людей и сделай это достойно, проявив присущую тебе доброжелательность. Это ужасно и невыносимо, когда я думаю об ущербе, который, возможно, нанес. И не только тому человеку, которого с самым серьезным основанием можно считать наиболее достойным всех благ, но, как любому обычному человеку хорошо известно, что Он не может без страдания видеть, что хотя бы один из Его детей опозорен, и что муки его должны любым способом закончиться до захода солнца.

Прислушайся тогда к этим словам Творца и покажи себя таким, каким ты был в прошлом - позволь снова видеть тебя таким, как ты был раньше, и слышать твой приятный разговор. Но почему ты скорее не избавляешь нас от печали, если ты боишься наших заклинаний? Почему ты не вылечиваешь наше страдание? Теперь снова посмотри на нас с добротой. Скажи что-то дружественное и близкое, даже если мы не говорим лицом к лицу, как каждый мог бы говорить с другом, потому что из-за болезни нам не разрешают это делать, но, по крайней мере, издали, через письмо или сообщение. Дай мне ясное доказательство нашего примирения и продемонстрируй в простых делах возвращение к нашей прежней дружбе так, чтобы в дополнение к твоим другим добродетелям мы могли бы также обратиться к снисходительности и сказать, что к тебе применимы слова, что ты – всё, и нет никакого недостатка в тебе. В дополнение к этому, прощай, и пусть ни одна случайность не умалит твое врожденное совершенство и красоту.

Письмо 28

Просить тебя о благодеянии - неуместно и неподходяще, как если бы мы выпустил скаковую лошадь на равнину или «орла высоко к облакам»¹⁷.

¹⁷ СРГ II, 95

Мы знаем, что ты склонен к такому и без приказаний и просьб. Однако же, выслушай человека, который ищет твоей милости, как один из наших домочадцев, осмелимся сказать, нашей семьи, показав, что мы обращаемся к италийцу и почитателю римлян. Поскольку один стремится делать добро, а другой извлечь выгоду, вы встретили друг друга в хорошее время. Господь должен наблюдать за вами обоими и судить силу каждого, который из вас двоих лучше и более могуществен – ты ли это, благодетель, кто может пользой преодолеть и положить конец обращению просителя, как напиток утоляет жажду, или скорее он, потому что величина его запроса оказывается больше, чем сила твоего благодеяния, и позволяет ему уходить все еще нуждающимся и неудовлетворенным. Поэтому, позволь всему своему вниманию быть направленным на него, так как велика опасность – ты можешь видеть, что это не такая малость – что в таких важных вопросах ты можешь оказаться ниже нас, и потому, что ты споришь об этих вопросах с таким противником.

Но достаточно твоего восторга и хвалебных слов нам, о превосходнейший. Ты не сможешь убедить нас, приписывая нам несуществующие достоинства, тем более что из-за твоей доброй воли тебе уже вынесли осуждение из-за влияния на голоса в нашем случае.

Дружба, украшенная, как эта, многими и различными достоинствами и изобилующая во всех отношениях похвалами, имеет этот и только недостаток: когда дело доходит до суждения друзей, она рассматривается с подозрением и не столь же заслуживающим доверия, свидетель ты или судья. Но самое ужасное, что дружба особенно превзойдена самой враждой, будучи так же унижена таким количеством ненависти, как ненависть безупречна в своих свидетельских показаниях, как это подтверждается пословицей. Возможно, неудивительно, что некоторые мудрецы прошлого смели называть дружбу слепой.

Последующие поколения, как мне кажется, доверяя этим мужам-богословам, препятствовали бы дружбе такого рода, на основе римского закона, который запрещает слепым доступ в суд. Поэтому, умерь твои похвалы, чтобы не случилось одно из двух - или ты, кажется, хвалишь то, что невероятно, или, пытаясь избежать этой опасности, ты подвергаешься некоторому другому худшему злу, точно так же, как те, кто попал к мифической Сцилле из страха пред Харибдой.

Ты должен быть вынужден затем нанести удар дружбе, точно потому, что ты обращаешься с ней со слишком большой честью, открыто осуждая ее, чтобы рассеять любые подозрения и ясно показывать беспристрастный вердикт – иначе будет необходимо обжаловать решение из-за того, что оно было вынесено неточно и неверно. Так, чтобы ничего этого не произошло, и так, чтобы ты остался и верным другом, и беспристрастным судьей, стань, пожалуйста, более умеренными в похвалах твоим друзьям. Но не прекращай все время собирать себе похвалы от всех, поскольку это - также одно из твоих достоинств.

Письмо 38

Господин наш, возвеличенный Господом, мы думаем, что твои похвалы подходят твоему собственному благородству - говорить и писать таким образом является обычной и подходящей тебе манерой - но принять эту честь неуместно для нас. Мы так абсолютно недостойны такой похвалы, что двоякая мысль пришла на ум в связи с этим. Читая твоё письмо, мы были внезапно смущены тем, что читали, и мы подумали, что есть доля правды в глупой пословице, что любовь слепа, поскольку любящий пристрастен, и такая любовь друзей имеет силу побороть и изменить мнение осуждающих. Но, быстро овладев собой и понимая ситуацию, мы изменили свое мнение на обратное, приняв в расчет беспристрастность говорящего, так же, как и его

точность и правдивость во всех отношениях, и что он, кто был самым справедливым и дорогим нам, не мог обманывать, вовсе не имея такой цели приписывать достоинства, которыми мы не обладаем и что, во всяком случае, правда должна быть такова, какова она по его словам. Но когда, благодаря удаче, как это кажется, мы убедили себя, что это была правда, мы приняли его свидетельства как указание небес; мы с большой радостью обхватили этот подарок обеими руками и расценили его как доброе предзнаменование в нашей жизни. Все же, одна мысль все еще беспокоит и тревожит нас: что, так убежденные твоими чрезмерными похвалами, мы больше не будем ограничиваться, и при этом будем не в состоянии сдерживать себя, но сможем отважиться взлететь высоко в воздух из-за усердия или тщеславия, и можем заставить себя смело подняться до самых облаков, так как твои великолепные похвалы уже дали нам крылья, преобразовав настолько, что я сейчас словно орел. А затем... о, какое будет несчастье, каким я стану посмешищем, если в будущем можно будет услышать об Иоанновом море, подобно тому, как древним было известно Икарово. И кто простит мне мое безумие и мою самонадеянность, тем более что я даже не смог снабдить себя восковыми крыльями, и все же я посмел взлетать высоко в воздух выше облаков?

Но так как мы знаем вполне хорошо, что твой учитель дал, как Апостолам, такую власть твоим словам, чтобы свернуть даже горы и быть в состоянии достигнуть столько же, сколько он - и сейчас мы провели даже большую работу, чем они - и тогда наша попытка ни в коем случае не выглядит абсолютно безнадежной, если мы преуспели в том, чтобы достигнуть чего-то значительного. Поскольку, когда неестественное и невозможное были приняты, как возможные, в расчете на твое всемогущее достоинство - если действительно невозможно путнику идти в пространстве и для того, кто не летает, использовать крылья - как мы не можем быть чрезвычайно уверены в естественном и возможном? Мы говорим о

возвышении души, которая по своей природе чиста и светла, и может вознестись туда, откуда, как говорится, она берет свое начало. Вспоминая твои слова, мы будем надеяться и непоколебимо верить, что душа наша окажется рядом с блаженнейшими душами, такими, как твоя, которая не только окрыляет нас похвалами, но и поддерживает нас молитвами.

Письмо 50

Что мы перенесли, ты спрашиваешь, и что произошло с нами? Неудивительно, что ты задаешься этим вопросом, потому что даже мы, кто испытали это, очень озадачены и не верим, что это могло случиться с нами, поскольку мы ожидали всего, кроме того, чтобы увидеть, как такое великое изменение грядёт на нас, несмотря на то, что мы всю свою жизнь старательно пытались, и ты не будешь отрицать, избежать такого поворота вещей. Но, возможно, это пришло для нашего поучения, чтобы мы могли узнать, что мы, люди, не всегда полностью управляем нашими собственными судьбами, но и мы - как все другие - должны подчиниться воле провидения, которая направляет все, даже если то, что происходит, это часто не то, что мы хотели бы, и что невозможно избежать и убежать от Его предписаний, даже для самого защищенного или, иначе говоря, самого стойкого человека. Но так как Он так решил, и более могущественное преобладало, и теперь, побежденные, мы лежим у Его ног и благодарим Его мудрое суждение, которым он управляет Вселенной и которым Он устроил наши дела так, как Ему нравится. Что же еще может быть сказано? Мы находимся в большой и необходимой потребности молитв, которые в состоянии победить нашу слабость и истощение. Поскольку, как ты знаешь, мы изобилуем и духовной слабостью, и физической немощью; и того, и другого достаточно, чтобы убить больного. Но когда все это встречается в одном человеке, тот человек попадает в руки Господа, и тот человек не кто иной, как мы сами, кто сейчас говорит, и кто нуждается в помощи многих благочестивых молитв. Этот

долг, который является самым необходимым и обязательным, должен быть отдан нам прежде всего теми, являющимися нам родственниками и теми, кто иначе близок к нам, о ком мы размышляем и кого представляем твоей святости, как самой важной.

Поэтому, действительно, тот, который является первым, должен и быть первым в оплате твоего долга молитв, и так как ты первый среди всех других, ты не должен забывать о важности твоей помощи здесь в пользу кого-то еще, и при этом ты не должен отдавать, как ты услышал, твою славу кому-то еще; но начни теперь ходатайствовать от моего имени, положи начало и не сдавайся, пока ты не убедишь и пока не преодолеешь все препятствия. И, может быть, через тебя Бог дарует нам милость и силы, так, чтобы мы могли вынести всю тяжесть, которую мы приняли без раздумья, и так, чтобы посредством твоих молитв от недостойного к достойному, мы могли бы стать источником своего собственного спасения и большей похвалы и славы для тебя в глазах Бога. Но, прежде всего, мы снова сможем увидеть тебя, хоть и ненадолго. В самом деле, мы сможем снова тебя увидеть, прежде чем отбудем отсюда, и так, чтобы иметь удовольствие от ясной картины божественного выражения удовольствия на твоём лице.

Библиография

1. Елоева Ф. А., Черноглазов Д. А. Греческий перфект как стилистический приём. Вопросы языкознания, 2016, вып. 1. С. 7 – 24
2. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI – XII вв., М.: Наука, 1974.
3. Куш Т. В. Эпистолярная практика в поздней Византии. Известия Уральского Государственного Университета №39, 2005.
4. Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. Научное издание. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2012. Изд. 2-е
6. Любарский Я. Н. К биографии Иоанна Мавропода. *Byzantino-bulgarica* T. IV, 1973.
7. Любарский Я. Н. Рецензия на: Α. Καρπόζηλος. Συμβολή στὴ μελέτη τοῦ βίου καὶ τοῦ ἔργου τοῦ Ἰωάννη Μαυρόποδος. Ἰωάννινα, 1979, Византийский Временник. Том 43 (68)
8. Луховицкий Л. В. Иоанн Мавропод. Православная энциклопедия. - Т. 24, 2010.
9. Черноглазов Д. А. Замечания о византийском эпистолярном этикете XII в.: *pluralis modestiae* и *pluralis reverentiae*, 2015.
10. Черноглазов Д. А. *Laus epistulae acceptae*: об эволюции византийского эпистолярного комплимента. Византийский временник, Том 69, 2010. С. 174 – 186
11. Черноглазов Д. А. Как византийцы учились писать письма? Замечания о греческой эпистолярной теории. Сб. научн. трудов "Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии". СПб, 2015. С. 315-332
12. Фрейберг Л. А., Памятники византийской литературы IX – XIV вв. М.: Наука, 1969.

13. Garzya A., Loenertz R. – J. Procopii Gazaei epistolae et declamations. Buch-Kunstverlag Ettal, 1963.
14. Jeffreys M., Lauxtermann M. The Letters of Psellos: Cultural Networks and Historical Realities. London: Oxford University Press, 2017.
15. Karpozilos A. The Letters of Ioannes Mauropus Metropolitan of Euchaita. Thessalonike: Association for Byzantine research, 1990.
16. Kurtz E., Drexl F., Michaelis Pselli scripta minora magnam partem. Milano: Vita e pensiero, 1941 – XII.
17. Leutsch E. L. Corpus paroemiographorum graecorum, 1958
18. Migne J. - P., Cavallera F. Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca. Paris: Garnier Freres, 1912.
19. Pasquali G. Gregorii Nysseni Epistulae. Leiden: E. J. Brill, 1959.
20. Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose. HURI Offprint Series, no. 30 (Cambridge, Mass.), 1981.